

Игорь Северянин

Письма к С. И. Карузо (1931—1940)

Публикация Л. Н. Ивановой

25 июня 1984 года на имя посла СССР в Австрии М. Т. Ефремова было отправлено письмо следующего содержания:

«Уважаемый Михаил Тимофеевич!

Моя жизнь сложилась так, что вот уже более 60-ти лет я живу за границей. Но и прожив жизнь вдали от Родины, я остаюсь русским человеком. Моя любовь к России так велика, Родина моя всегда в моем сердце. С глубоким интересом я воспринимаю все, что происходит в нашей стране, знаю, как и чем она живет. Всегда любила и читала книги русских и советских писателей, знаю, как бережно относятся наши люди к истории России, к ее литературному наследию.

В жизни моей была замечательная встреча: в 1915 году в Харькове я встретила с Игорем Северяниным. Наше знакомство, наша переписка продолжалась до самой его смерти. Все его письма я сохранила. Это личная переписка, но я думаю, что и она в какой-то степени поможет понять чувства и настроения этого русского поэта, понять смысл его жизни в эмиграции, тем более, этот период его жизни и творчества почти неизвестен.

Я надеюсь, что эти письма могут быть свидетельством того, что И. Северянин никогда не был среди врагов Советской России. Даже в самые тяжелые годы его жизни он оставался русским человеком, русским поэтом, человеком, который всеми силами старался привлечь интерес окружающих его людей к русской поэзии, литературе, искусству.

Письма эти дороги для меня. И на склоне моих лет я хочу эту дорогую для меня реликвию передать в дар моей Родине как дань безграничной любви и уважения к ней.

Софья Ивановна Ставрокова-Карузо».

В ответном письме посла от 18 июля 1984 года помимо благодарности «за дорогой подарок нашей стране» имелось сообщение: «Переданные Вами материалы направлены нами в Академию Наук СССР с просьбой передать их в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) <...>».

Таким образом, фонды Рукописного отдела Пушкинского Дома пополнились тридцатью четырьмя письмами Игоря Северянина за 1931—1940 годы и сборниками стихов с пометами автора и владельческими записями: «Классические розы» (Белград, 1934), «Громокипящий кубок. Поэзы» (изд.

4. М., 1914) и «Златолира. Поэза. Книга вторая» (изд. 2. М., 1914) (Р. I. Оп. 25. Ед. хр. 468—471)¹.

Софья Ивановна Ставрокова родилась 23 июня 1893 года в Ялте в семье земского судьи. Затем жила в родительском имении в Тирасполе. Образование получила в Харьковском институте благородных девиц и на Высших женских курсах в Москве, где в студенческих кругах встречалась с братьями Бурлюками и Маяковским. Увлекалась поэзией, в том числе Игоря Северянина. «Он был кумиром молодежи на заре декадентства,— вспоминала Софья Ивановна в 1984 году.— <...> Я видела, как после одного из концертов в Политехническом университете, после восторженного приема, студенты и студентки вынесли его на руках».

В 1913 году Софья Ивановна вышла замуж за офицера Александра Григорьевича Карузо (1880—1946), выходца из семьи давно обрусевших итальянцев, переехала с ним в Харьков, где родила сына Игоря (1914—1981).

В Харькове и состоялось ее мимолетное знакомство с Игорем Северяниным, совершавшим поэтическое турне. «В 1915 году он приехал вместе с Виктором Ховиным, сотрудником литературного журнала «Очарованный странник». В. Ховин издавал этот журнал и ездил с И. Северяниным распространять русскую литературу².

После одного из концертов открылась дверь в артистическую, знакомый сказал: «Если Вы хотите познакомиться с Северяниным — можете заходить». Я зашла с книгой в руке «Громокипящий кубок» — меня представили ему, и он подписал книгу.

¹ Деятельное участие в передаче архивных материалов приняла Алиса Эдуардовна Кухар — председатель венского советско-австрийского общества «Родина», членом которого состояла С. И. Карузо. Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность К. М. Азадовскому, взявшему на себя труд в марте 1992 года встретиться в Вене с А. Э. Кухар и получить от нее приводимые в статье биографические сведения о С. И. Карузо, а также ссерокопии некоторых документов и фотопортретов, хранящихся в семье ее внучки — Александры Карузо. Первое сообщение о письмах Северянина с публикацией нескольких фрагментов принадлежит Г. И. Евдокимовой (см.: «Голос Родины». 1988. № 15, 18). См. также публикации Л. Н. Ивановой: «Мечтавшей скрестить наши разные, опасные наши стези...» // Час пик. 1993. 15 декабря, № 49; Игорь Северянин. «Я живу в прелестной местности...» // Вышгород. [Таллинн]. 1994. № 1. С. 113—118.

² Ховин Виктор Романович — литератор, редактор издания эгофутуристов «Очарованный странник» (Пг., 1913—1916), где печатался и Северянин. В последнем номере журнала (1916, № 10) Ховин опубликовал статью «Открытое письмо Виктору Ховину» — «покаянное отречение от Игоря Северянина», отошедшего от футуризма. Участник литературных турне Северянина по югу России 1914—1915 годов, Ховин вспоминал: «В течение двух лет был я тогда постоянным спутником Игоря Северянина. В Петербурге, в Москве, в провинции читал я лекции на его „поэзоконцертах“, так что это дало даже повод какому-то столичному фельетонисту назвать нас Мюр и Мерилизом, Бликген и Робинсоном, Штоль и Шмидтом.

Эти годы наших совместных выступлений были годами, когда Северянин завоевывал себе свою поэтическую корону» (Ховин В. Игорь Северянин. (Немного воспоминаний, немного характеристики) // Наши огонек. [Рига]. 1925. № 15. С. 14).

После 1917 года Ховин издавал в Петрограде журнал «Книжный угол» (1918—1919, 1921). Со второй половины 20-х годов жил в Париже, где в издательстве «Очарованный странник» выпускал серии «Беллетристы современной России» и «Библиотека поэта». О начале эмигрантской жизни Ховина см. его письма 1924—1925 годов к Д. А. Лутохину из Риги и Парижа (ИРЛИ. Ф. 592. Ед. хр. 259).

Приезд Игоря Северянина в Харьков повторялся несколько раз. Я всегда посылала ему цветы. Была еще одна встреча с И. Северяниным. После концерта встретились, он сказал: „Я пишу Вам письмо“. И, как я поняла потом, это были стихи. Уже будучи в эмиграции, в одном из писем поэт сообщил мне, что в память о нашей встрече он написал стихи „Лилия в море“³.

Предположительно, в 1920 году С. И. Карузо с мужем и сыном выехали из России. Сначала в Румынии, а затем в Бельгии (где удалось устроить сына в интернат), не имея средств к существованию, семья жила случайными заработками, соглашаясь на любую работу.

Живя в Брюсселе, в феврале 1931 года Софья Ивановна прочла в газете о парижских выступлениях кумира своей молодости — Игоря Северянина, наудачу послала ему письмо в Париж и, к удивлению, получила ответ: «Я искренне рад, что Вы спаслись, что Вы живы. Я часто за эти годы вспоминал Вас, мне очень хотелось Вас найти <...>» (25 февраля 1931). Завязалась переписка, но встретиться им больше не довелось.

В 1939 году сын Софьи Ивановны Игорь приехал в Эстонию, женился на эстонке и, по просьбе матери, встречался с Игорем Северяниным. В сороковые годы Игорь Карузо переехал в Австрию, где позднее стал ученым-психоаналитиком, профессором Зальцбургского университета, автором более двухсот научных трудов, многие из которых переведены в разных странах⁴. После смерти мужа С. И. Карузо переехала к сыну. Последние годы своей жизни провела в Вене с внучкой Александрой, единственной дочерью Игоря. Скончалась С. И. Карузо 17 мая 1985 года.

Эти скудные биографические сведения, к сожалению, мало говорят о человеческом облике адресата Игоря Северянина, тем более что ответных писем обнаружить не удалось, но обращенные к Софье Ивановне письма существенно дополняют наше представление о жизни и творчестве поэта в последнее десятилетие.

Как известно, увозя в январе 1918 года больную мать из голодного Петрограда в давно знакомый эстонский поселок Тойла, Северянин не имел намерения покинуть родину, одарившую его к тому времени «поэтической короной» (в феврале того же года он был избран в Москве «королем поэтов»). Но в марте по условиям Брестского соглашения произошло отделение Эстонии от России, и поэт оказался за пределами Советского государства. Спустя три года (1921) — кончина матери, женитьба на эстонке, принятие эстонского подданства⁵.

³ Фрагмент воспоминаний, записанных А. Э. Кухар со слов С. И. Карузо и приведенных в ее сопроводительном письме к М. Т. Ефремову от 25 июля 1984 года. Стихотворение «Лилия в море» («Она заходила антрактами...») без посвящения опубликовано в рижской газете «Сегодня» (1930. 24 мая. № 143. С. 3), а затем включено в сборник «Классические розы» (с. 102—103). См. также прим. 9 к письму 3.

⁴ Библиографию трудов И. Карузо см. в книге: E. H. Englert (Hrsg.). Die Verarmung der Psyche. Campus Verlag, Frankfurt: New York, 1979. S. 199—220. О знакомстве И. Карузо с Северяниным см. в письмах от 20 августа, 24 декабря 1939 года и 24 марта 1940 года и в комментариях к ним.

⁵ См. об этом в письме от 30 марта 1931 года и комментариях к нему. Подробнее о жизни Северянина в Эстонии см.: Агамс В. Т. Игорь Северянин в Эстонии // Русско-европейские литературные связи. М.; Л., 1966. С. 354—360; Исаков С. Игорь Северянин и Эстония // Игорь Северянин. Сочинения. Таллинн, 1990. С. 5—34; Исаков С. Г. Игорь Северянин 1918—1921 гг. Жизнь. Мировосприятие. Литературная позиция. Изменения в творческой манере // Studia Russica. Helsingiensia et Tartuensia. Проблемы истории русской литературы начала XX века / Под ред. Л. Бюклинг и П. Песонена (Slavica Helsingiensia. 6). Helsinki, 1989. S. 93—119; Kruus R. Eesti ja Igor Severjanin // Looming, 1987. № 5. S. 682—693.

Все прежние связи были прерваны, в памяти соотечественников поэт надолго остался автором «ананасов в шампанском»⁶, а его последней попытке возвращения в Россию помешала немецкая оккупация Эстонии, болезнь и скорая кончина (20 декабря 1941 года).

Лишь немногочисленные и краткие воспоминания о Северянине⁷, его небольшое по объему эпистолярное наследие⁸ приоткрывают завесу, много лет отделявшую поэта от читателя-соотечественника.

В этом ряду письма Северянина к С. И. Карузо занимают особое место. По охвату обсуждаемых тем и жизненных событий они сопоставимы лишь с письмами к А. Д. Барановой, сыгравшей в жизни поэта роль мепенатки⁹. Эта «роль», возможно, и явилась помехой для установления более тесной дружбы (о чем свидетельствует и сдержанный тон переписки). В письмах же к Карузо Северянин, избалованный от чувства неловкости просителя, предельно раскрывается перед собеседницей, настоящее знакомство с которой состоялось, по сути, не в 1915 году, а лишь благодаря переписке. Сообщая о своей жизни, Северянин просит Софью Ивановну: «Надеюсь, и Вы расскажете мне побольше о себе, обо всех этих годах ужаса» (25 февраля 1931 года), «Я все хочу знать, что Вас касается» (11 мая 1931 года).

Между корреспондентами быстро установилась взаимная душевная близость. И оказалось, что эти отношения важны не только для Софьи Ивановны, вспоминавшей: «Это были очень трудные годы моей жизни. Переписка с Северяниным, его письма наполняли иным содержанием мою жизнь»¹⁰, — но почти в равной степени для самого поэта. Не переставая видеть в Софье Ивановне одну из своих многочисленных поклонниц, сви-

⁶ Об искаженном представлении о Северянине на родине свидетельствует, например, эпизод из истории его творческого наследия. В 1946 году заместитель генерального секретаря ССП Н. С. Тихонов, приглашенный в ЦГЛА (РГАЛИ) для экспертизы присланного из Эстонии архива поэта, дал следующее заключение: «Стихи, написанные за границей, не прибавляют к поэтическому облику Северянина ничего нового. Это типичная лирика, главным образом, любовная <...>. Особой силы стихи не имеют» (Красовский Ю. А. Восемь писательских архивов... // Встречи с прошлым. Вып. 5. М., 1984. С. 395).

⁷ См.: Борман И. Игорь Северянин в Тойле // Русская мысль. [Париж]. 1992. 14 февр. № 3916; Формаков А. Встречи с Игорем Северяниным // Звезда. 1969. № 3. С. 173—181; Шумаков Ю. Из воспоминаний об Игоре Северянине // Звезда. 1965. № 3. С. 190—198; Он же. Игорь Северянин в Эстонии // Игорь Северянин. Стихотворения и поэмы. 1918—1941. М., 1990. С. 430—439.

⁸ См.: Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой. 1916—1938 / Сост., подготовка текста, введение и комментарии Б. Янгфельдт и Р. Круус. Stockholm, 1989; Письма Игоря Северянина Ирине Борман (Из архива М. Харази) / Публ. Г. Григорянца // Молодежь Грузии. 1989. 14 окт.; Игорь Северянин. Письма к Г. А. Шенгели // Игорь Северянин. Стихотворения и поэмы. 1918—1941. М., 1990. С. 401—430; Йорганов Х. Неизвестна страница от творческата съдба на Игор Северянин. Писма на Игор Северянин до Е. В. Страндел и С. К. Чукалов // Проблеми на новата българска литература. София, 1978. С. 245—269.

⁹ Баранова (урожд. Кабанова, во 2-м браке Перно) Августа Дмитриевна (1891—1975), московская знакомая Северянина с 1916 года, посетительница его выступлений. С 1920 года жила в Швеции, где работала в учреждениях советских представительств. После отъезда Северянина в Эстонию они не встречались, состояли в дружеской переписке. Имея достаточный доход и ценя творчество Северянина, А. Д. Баранова в течение ряда лет оказывала ему материальную поддержку.

¹⁰ Из письма А. Э. Кухар к М. Т. Ефремову от 25 июня 1984 года.

детельницу невозвратных дней его шумной поэтической славы, Северянин позволяет себе немного пококетничать, поведать о некоторых слабостях характера и даже (только ей!) о романтических «приключениях». «Вы так хорошо все воспринимаете, что ничего не хочется от Вас скрывать, прикрашивать» (июнь 1932 года). Но главное: в письмах обнаружилось нереализованное стремление Северянина к человеческому теплу, дружескому участию, а также желание быть кому-то полезным, близким и нужным. «Будь у меня возможность,— писал он 11 мая 1931 года,— я немедленно послал бы Вам денег, и Вы приехали бы всей семьей к нам, отдохнули бы, ожили бы в оживляющей природе нашей. <...> Да вот нет этой возможности, к сожалению крайнему». Даже в периоды, когда он сам вынужден рассылать опостылевшие просьбы о помощи, для Софьи Ивановны находятя слова поддержки и утешения, а в особо сложные моменты семья приглашается «на постоянное жительство» (29 октября 1932 года).

Письма содержат не только важные сами по себе подробные описания повседневной жизни поэта, отзывы о прочитанных книгах, оперных спектаклях, «отчеты» о собственных поэтических вечерах, новых стихах и сборниках, перечисления побывавших в Тойле гостей и т. п. Наполненные особой теплотой, эти письма порой исповедально-поэтичны, в них находят развитие некоторые темы стихов и прозы Северянина тех лет и прорываются на свойственные ему попытки «пофилософствовать», поразмышлять о смысле жизни.

Этот легкомысленный и поверхностный, по мнению многих, человек, задумывается о судьбах России, Европы, о сосуществовании капитализма и коммунизма — которым «никогда не ужиться вместе». Их столкновение — «ужасающе-страшное <...>— неизбежно», так как «жестоки и бессердечны обе системы» (17 сентября 1931 года).

Подобно многим современникам, поэт жил в те годы с ощущением надвигающегося мирового кризиса. «Теперь уже вскоре должно выясниться: или гибель цивилизации, или же возрождение. <...> взрыв близок. <...> Разве же Вы сами не чувствуете близости надвигающегося? Нельзя не чувствовать...» — писал он С. И. Карузо 27 января 1932 года.

Любопытно в связи с этим обращение Северянина к книге Д. С. Мережковского «Тайна Запада. Атлантида—Европа» (Белград, 1931), автор которой писал 7 декабря 1931 года польскому профессору М. Э. Здзеховскому: «Сейчас я переживаю самые черные дни изгнания, т. к. мы все, русские писатели, очень страдаем от „мирового кризиса“¹¹. Правда, сначала Северянин «от тоски и с е р ь е з н о с т и чуть не погиб» (1 марта 1932 года), отложил книгу, но вернулся к ней спустя полгода. «Мы с Фелисой Мих. теперь много читаем,— пишет он 3 октября 1932 года А. Д. Барановой.— „Атлантиду“ и „Иисус Неизвестный“ Мережковского»¹².

¹¹ Д. С. Мережковский и М. Э. Здзеховский. Письма из Парижа в Вильнюс / Вступит. статья, публикация и примечания А. Йокубатиса // Вильнюс. 1990. № 1. С. 152.

¹² Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой. С. 79. (О жене Северянина Ф. М. Круут см. примечание 3 к письму от 30 марта 1931 г.). Возможно, более пристальному вниманию к книге Мережковского способствовала заметка о его обсуждении на заседании «Зеленой лампы» с цитатами из доклада В. С. Варшавского: «Каждый, кто испытывает беспокойство перед апокалипсическими знаменьями, являющимися в наши дни, должен прочесть эту книгу, проникнутую <...> настоящим пророческим жаром <...>». Заметка «Зеленая лампа» была помещена в том же номере парижского журнала «Числа» (1931. № 5. С. 262—264, без подписи), где опубликованы стихотворения Северянина и статья Н. Оцуца «Северянин в Париже» (подпись: Н. О.).

И хотя, разумеется, не стоит завышать уровень понимания Северяниным философско-исторического исследования Мережковского¹³, важно отметить найденную им «созвучность» некоторым собственным размышлениям. Не случайно и сонет «Мережковский» (1934) начинается фразой: «Судьба Европы — страшная судьба, /И суждена ей участь Атлантиды»¹⁴. А в письме к И. К. Борман от 3 октября 1931 года поэт пишет: «А в Европе что-то уж чересчур „атлантидно“. Где-то кого-то застанет... Кажется, это повсюду...»¹⁵.

Лирик и романтик по натуре, Северянин избегал гражданского пафоса в стихах и в жизни, провозглашал: «Долой политику!» — и уходил не только от участия в политических событиях, но и от развернутых высказываний, помогающих определить его позицию (в том числе и по отношению к событиям в России). Именно поэтому останавливает внимание отзыв-рекомендация Северянина в письме от 17 сентября 1931 года: «<...> успел прочесть <...>, напр<имер>, „Синюю книгу“ Гиппиус (дневник дней революции)¹⁶. Нахожу ее взгляд совершенно правильным. Всецело к ней присоединяюсь. Вы читали? Прочтите непременно». Поскольку речь идет о проникнутой антибольшевизмом своеобразной и пристрастной летописи войн и революций 1914—1917 годов, важно учесть эту, пусть косвенно выраженную, оценку Северяниным событий в России тех лет, хотя, возможно, и не следует придавать ей слишком серьезного значения.

В письмах к С. И. Карузо Северянин, пожалуй, впервые впрямую выражает свое отношение к религии, к вере. Очевидно, отшельнический, несуетный образ жизни располагал к подобным размышлениям.

«Воспитанный в православных традициях», Северянин называл себя «религиозным человеком»¹⁷: «Без Бога нет жизни, нет поэзии, нет музыки, нет любви» (11 мая 1931 года). Предрекая гибель России, если не прекратится «гонение религии», ужасался планам разрушения храма Христа Спасителя¹⁸. И в то же время поэту был свойствен антиклерикализм, он считал, что «священники, в своей массе, сделали, кажется, в свое время,

¹³ Сам Д. С. Мережковский признавался М. Э. Здзеховскому: «Вы один из немногих в Европе, которые могли понять эту книгу» (Вильнюс. 1990. № 1. С. 152).

¹⁴ Новый журнал. 1993. № 2. С. 81

¹⁵ «Письма Игоря Северянина к Ирине Борман».

¹⁶ Гиппиус З. Н. Синяя книга. Петербургский дневник 1914—1917. Белград. 1929. Как писала Гиппиус в предисловии к машинописному экземпляру о предназначении «Синей книги»: «Она для внимательного и нелепного взора тех, кто хочет знать, как переживал — культурный и политический — слой русского общества великие потрясения своей страны» (цитируется по вступительной статье М. М. Павловой и Д. И. Зубарева к публикации «Черных тетрадей» З. Н. Гиппиус (Звенья: Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 13).

¹⁷ Однако натяжкой выглядит попытка Ю. Д. Шумакова представить Северянина сугубо церковным человеком в воспоминаниях об иконе в кабинете поэта, «образке-талисмане», которому, по мнению мемуариста, поэт приписывал «избавление от напастей», о «паломничествах» в монастыри и т. д. (Шумаков Ю. Игорь Северянин в девичьем монастыре // Ревель: Русский исторический журнал. [Таллинн]. 1991. № 1. С. 13—29).

¹⁸ См. письмо от 17 сентября 1931 года.

все от себя зависящее, чтобы поколебать народную веру» (там же). Многие проясняет его развернутая оговорка: «<...> я в церкви почти никогда не бываю и молюсь, большей частью, дома. Но и молитвы мои не только общеприняты, — я часто молюсь стихами. Я всегда чувствую крепкую связь с Подсознательным, с Высшим <...>» (11 мая 1931 года). Творчеству же поэта присущ поэтический пантеизм общеромантического толка. Наряду с обожествлением природы в духе пейзажной лирики — описания церквей, монастырей, поэтизация церковных обрядов, ностальгические воспоминания о прошлом с естественным для Северянина вопросом: «Поэтичность религии, где ты?» («Пасха в Петербурге», 1926).

Подытоживая творческий и жизненный путь Северянина, П. Пильский справедливо заметил: «Он — поэт в лучшем и полном смысле этого слова, поэт в своих книгах, в своих чувствованиях мира, в своих днях и всей жизни»¹⁹ и, мы бы добавили, — в восприятии религии.

Отчетливо отразилось в письмах молитвенное отношение Северянина к природе, которую он называет Храмом, Монастырем, а себя «монахом Зеленого Монастыря Природы»²⁰: «<...> слишком много открылось мне в природе, она меня успокаивает, вдохновляет, отвлекает от мишуры» (12 июня 1931 года).

«Не беженец», «не эмигрант», сознательно избравший жизнь в уединении, не забывая и любя родную новгородчину, Северянин на протяжении многих лет не устает восхищаться своеобразной природой Эстонии. По душе ему и уклад эстонской деревенской жизни, где в любой избе — собрания сочинений русских и западных классиков, «все выписывают газеты, покупают журналы, дома содержат в поразительной чистоте, многие играют на пианино <...>, устраивают часто любительские спектакли, знают и чтут своих писателей, поэтов, художников <...>» (12 июня 1931 года).

Поэта, когда-то любившего шум и блеск внешней жизни, теперь не тяготит затворничество: «Я не мыслю себя в городе, среди людей. Я умер бы там, я не вынес бы» (11 мая 1931 года). Даже явно недостаточно реализованная потребность в живом читательском и зрительском отклике не могла уменьшить мучительных издержек. «Горек удел — ездить, не желая ездить», — писал он 18 октября 1931 года. «Для удовольствия и призрачной славы по Европе не поедешь. <...> Вечное утомление, сверхсильная ноша. Экономить в пути каждый грош, чтобы лишний месяц сметь прожить в богатворимой глуши независимо» (11 мая 1931 года).

Тем не менее существовала и другая сторона путешествий: «По обыкновению много встреч, много впечатлений» (20 января 1933 года), «Масса знакомств, всюду зовут» (30 марта 1933 года). В письмах к С. И. Карузо

---

¹⁹ Пильский П. Игорь Северянин: 35-летие литературной деятельности // Сегодня. [Рига]. 1940. № 31.

²⁰ Отметим, что та же лексика применительно к природе характерна и для поэзии Северянина. «Я заключил себя в монастыре / Над озером, в монастыре зеленом...» — так начинается «утопическая эпопея» 1924 года «Солнечный дикарь». И далее: «Свершенная мечта — святой алтарь / Монастыря бесстенного Природы» (Труды по русской и славянской филологии. IX. Литературоведение. Ученые записки ТГУ. Вып. 184. Тарту. 1966. С. 244). Представляется неточным, слишком буквальным, комментарий публикатора поэмы В. Т. Адамса, переводящего понятие «монастырь» в разряд реаллий, называя его Пюхтицким монастырем; повторено в издании «Стихотворений» Северянина в серии «Библиотека поэта» (Л., 1979. С. 468). Ср. также: «Я, удобленный монаху, / Вхожу в лесной зеленый храм» («Озеро Ульясте», 1923).

Северянин немало внимания уделяет рассказам о живописной природе Югославии, Болгарии, Бессарабии, о своих поэтических вечерах, лекциях о русской поэзии и посещениях оперных спектаклей, об участии в создании литературно-художественного журнала «Золотой Петушок», о стихах, навеянных поездками, и их изданиях.

На этом, казалось бы, благополучном фоне бросается в глаза духовное одиночество поэта, его положение вне литературной среды, в особенности русской.

Разумеется, Северянин не был обделен вниманием со стороны эстонцев. Он дружил с некоторыми местными литераторами, переводил их стихи, участвовал в совместных вечерах, много печатался в прибалтийской периодике, издал девять книг (из них три — переводы)²¹ и в течение ряда лет получал денежные субсидии от правительства Эстонии. Северянин был искренен, когда, не предавая Россию «ни мыслью, ни душой» («Наболевшее», 1939), называл Эстонию второй родиной и вынужден был признать, что «до сих пор жив только благодаря чуткой Эстии» и что «русские, за редким исключением, в стороне» не только в 1920 году²². Сообщая 24 марта 1940 года С. И. Карузо о чествовании его 14 марта в Таллинне в связи с 35-летием литературной деятельности, он подчеркивал: «Инициатива исходила от эстов. Русским пришлось присоединиться...» И участниками последнего поэтического вечера в жизни Северянина были «Преимущественно — эсты». Однако поэт отнюдь не идеализировал эти взаимоотношения. «За все 23 года,— писал он Г. А. Шенгели 7 марта 1941 года,— я был в стороне от них, а они от меня»²³.

Но даже в более благополучный период своей жизни (20-е — начало 30-х годов) поэт не сумел преодолеть стену отчуждения во взаимоотношениях с зарубежными соотечественниками, убежденными, подобно Г. Адамовичу, что «Игорь Северянин — имя дореволюционное»²⁴.

Зная о безрезультатных попытках поэта наладить сотрудничество в ведущих эмигрантских периодических изданиях, дружески расположенная к нему Тэффи, обращалась в Парижский Комитет помощи русским писателям и ученым: «Очень прошу Комитет обратить внимание на катастрофическое положение этого поэта и не дать ему погибнуть. Если нам приходится тяжело, то все же мы здесь все вместе и друг о друге заботимся, а он совсем один и вопит от ужаса и никто на его вопль не откликается» (копец 1926 — начало 1927 года)²⁵.

²¹ См.: Русское печатное слово в Латвии. 1917—1944 гг. Сост. Ю. И. Абызов. Stanford. 1991. Часть IV. С. 62—76; *Фишурнова О. С. Игорь Северянин в Эстонии: Материалы к библиографии* // De visu. 1993. № 2. С. 44—49; *Исаков С. Г. Игорь Северянин в Эстонии: Материалы к библиографии. Исследования и дополнения* // Там же. 1993. № 9. С. 64—68.

²² Из письма Игоря Северянина к А. С. Яценко от 20 декабря 1920 года. *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин 1921—1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris, YMCA-PRESS, <1983>. <Vol. 1>. С. 316.*

²³ *Игорь Северянин. Письма к Г. А. Шенгели* // *Игорь Северянин. Стихотворения и поэмы. 1918—1941. М., 1990. С. 422.*

²⁴ *Агамович Г. «Классические розы»* // *Последние новости (Париж). 1931. 17 сент. № 3830.*

²⁵ *Кельнер В. Е., Познер В. Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции. (Из архива Соломона Познера)* // *Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1994. № 1. С. 311.*

Когда же в феврале 1931 года Северянин оказался в Париже — «главном по эту сторону границы городе современной русской поэзии» — там «и его самого и его поэзию успели основательно забыть»²⁶. Для многих пришедших на его литературные вечера, в том числе и для тех, кто предполагал увидеть, по выражению М. И. Цветаевой, «свою молодость: себя тогда»²⁷, состоялось открытие: Северянин их «восхитил, изумил», в их глазах он «вырос, стал мудр и прост»²⁸, оказался «поэтом больших линий и больших вещей»²⁹.

Однако и эта поездка не способствовала ни укреплению прежних связей, ни возникновению новых и оказалась последним посещением Парижа в жизни Северянина. А спустя несколько лет по разным причинам стали невозможными наполнявшие впечатлениями и отчасти поддерживающие материально путешествия, почти иссякли публикации³⁰. Это привело поэта к печальному выводу: не только «русская Прибалтика не нуждается ни в поэзии, ни в поэтах», но и, «к прискорбию, я должен это признать — вся русская эмиграция»³¹.

К концу 30-х годов разительно изменился тон писем Северянина к С. И. Карузо. Его «лучезарное легкомыслие» уже не может, как прежде, помочь перенести обрушившиеся невзгоды: сложные семейные обстоятельства, уже окончательная нищета и вконец подорванное здоровье. «Скверно мне, дорогая и милая София Ивановна, очень плохо на душе. Невыносимо» (1 января 1936 года); «Живем мы чудом: ни Вера³², ни я ничего не получаем ниоткуда» (20 августа 1939 года).

Драматизм положения усиливался ощущением полной изоляции от России. Тема возвращения на родину, получившая яркое отражение в творчестве Северянина, всегда была для него сокровенной и болезненной, а с годами все более окрашивалась чувством вины: «Мне не в чем каяться, и все же каюсь я...» («Наболевшее», 1939). И к концу жизни он не потерял уверенности, что «Россию надо заслужить» («Что нужно знать», 1925).

²⁶ Н. О. [Оцул Н. А.]. Северянин в Париже // Числа (Париж). 1931. Кн. 5. С. 264.

²⁷ Цветаева М. И. Неотправленное письмо Игорю Северянину // Поэзия. Вып. 37. М., 1982. С. 142—143.

²⁸ Агамович Г. Ук. соч.

²⁹ Цветаева М. И. Ук. соч. Ср. с самооценкой Северянина в письме к С. И. Карузо от 5 мая 1932 года: «<...> я, за эти годы сильно во многом изменившийся, обновленный, умиротворенный и умудренный <...>». Краткий обзор парижской прессы, отразившей доброжелательный прием публики см. в публикации Е. Лубянниковой и Л. Мнухина «Моя двусмысленная слава...»: Игорь Северянин в Париже//Литературное обозрение. 1988. № 4. С. 104—108.

³⁰ Ср. в письме Северянина к А. Д. Барановой от 14 сентября 1937 года: «Негде печататься. <...> кружковщина, кумовство. Везде свои люди, новых не подпускают близко, готовые горло перегрызть из-за куска хлеба» (Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой. С. 104).

³¹ Из письма Северянина к польскому поэту К. Вежинскому от 26 января 1937 года. Цитируется по изд.: Игорь Северянин. Сочинения. Таллинн. 1990. С. 512.

³² О В. Б. Коренди см. письмо от 4 августа 1939 года и примечание к нему.

Попытки возвращения Северянина в Россию хронологически, а потому, очевидно, и фактически, оказались за пределами данной переписки (начало 1920-х — конец 1940-го — 1941 годы)³³.

В полученном от поэта экземпляре «Классических роз», рядом со стихотворением, давшим название сборнику, С. И. Карузо оставила печальную запись: «Увы, розы брошены не были, смерть пришла раньше, все в той же Эстонии» (Р. 1. Оп. 25. № 471).

Из 34-х писем ниже публикуются 28, остальные частично используются в комментариях. При цитировании писем указываются только даты их написания.

1

Париж, 25.II.1931

Светлая София Ивановна!

Только вчера мне удалось получить Ваше письмо. Я искренне рад, что Вы спаслись, что Вы живы. Я часто за эти годы вспоминал Вас, мне очень хотелось Вас найти.

Теперь я еду домой, к себе в Эстонию, где живу в приморской глуши, между Везенбергом¹ и Нарвой, с янв. 1918 г., лишь изредка выезжая в Финляндию, Германию, Польшу и др. края.

Я живу в прелестной местности на берегу залива и впадающей в него горной форелевой речки, в сосновом лесу, изобилующем озерами².

9 килом. до ближайшей станции, 45 до Нарвы, 43 до Гунгербурга, 220 до Ревеля³.

Впрочем, я напишу Вам, вернувшись домой, обо всем подробно. Надеюсь, и Вы расскажете мне побольше о себе, обо всех этих годах ужаса.

К сожалению, я не попаду сейчас в Брюссель: идет пятый месяц, как я путешествую, наступает весна,— меня влечет природа моего севера. Но осенью я поеду в Болгарию и вновь в Югославию и тогда обязательно дам вечер в Брюсселе, чтобы повидаться с Вами.

Еще прошлым летом я писал о Вас стихи⁴. Целую Ваши ручки, Господь с Вами. Ярko рад был узнать, что Вы живы!

Душевно к Вам окрыленный
Игорь.

Вот мой постоянный — и неизменный — адрес:

Estonie. Toila. Igor Severjanin.

P.S. Уезжаю из Парижа 28.II и буду дома 5.III.

³³ 6 августа 1940 года Эстония вновь была включена в состав СССР. О неосуществленных планах и надеждах Северянина на возвращение см. в упоминаемых ранее письмах его к Г. А. Шенгели (2 сентября 1940—15 июня 1941) и к В. А. Рождественскому (12 и 20 июня 1941) («О Всеволоде Рождественском: Воспоминания. Письма. Документы». Л., 1986. С. 127—128).

¹ Везенберг — прежнее название эстонского поселка Раквере.

² Поселок Тойла, где жил в эти годы Северянин, находится на берегах Финского залива, реки Пюхайыги и в окружении множества озер. Именем реки, многократно воспетой Северяниным, назван один из его сборников: «Pühajõgi. Эстляндские поэмы» (Юрьев. 1919).

³ Гунгербург — часть эстонского поселка Нарва-Йыэсуу. Ревель — прежнее название Таллинна.

⁴ Речь идет о стихотворении «Лилия в море». См. прим. 3 к предисловию.

2

Estonie, Toila, Ig. Severjanin
12.III.1931

Дорогая София Ивановна!

Вот уж неделя, как я вернулся к себе из Парижа¹. Думал, найду дома Ваше письмо, но, к сожал(ению), его до сих пор нет. Получили ли Вы мое письмо из Парижа от 25.II²? Целую Ваши ручки, жду весточки.

Игорь.

¹ В этот же день, 12 марта 1931 года, Северянин писал А. Д. Барановой: «21.X мы с женой уехали за границу и вернулись только 4.III. За это время мы побывали почти во всей Югославии <...>, а затем весь февраль прожили в Париже, и через Берлин, Ковно и Ригу вернулись домой» (*Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. С. 66). Ковно — прежнее название Каунаса.

² См. письмо 1.

3

Toila, 30.III.1931 г.

Вы очень порадовали меня своим письмом, дорогая София Ивановна, да, и порадовали, и опечалили: так все эти должности не для Вас, так они воистину будничны и безнадежны. Но ведь не вечно же будет так, иначе жить не стоило бы. Как это странно: Ваш сын кончает гимназию! Такою молодою, такою юною помню я Вас, так мало лет было Вам в 1915 г. Знаю, знаю, что шестнадцать лет (как больно! как щемит сердце!) прошло с той поры, но это так трудно думать, так невозможно это возможное... Сколько жизней проживаем мы за одну свою жизнь!

В 1921 г. умерла моя мамочка¹, умерла здесь, в Toila, на 76-м году, при мне, и в этом же году расстался я с Марусей², со своею «Тринадцатой», шесть с половиной лет пробыв неразлучно. Сколько раз расставался я с женщинами, и каждый раз мне казалось, что я сам умираю, что я не переживу разлуки.

Но расставаться всегда было необходимо: чья-нибудь смерть была бы в ином случае. Умирая — воскресал. Так я уж устроен, в этом мое страшное. Но, верите ли мне, каждый раз сходясь, я с таким ужасом думал о возможной разлуке, так трепетал при одной об этом мысли! И — расставался, лишь наступал срок... Никого не виню, — себя, м. б.

Я расстался с ней 20 авг. 1921 г., уже два года перед этим полюбив свою теперешнюю, первую и единственную «законную» жену. Мы венчались в дек. 1921 г. Фелисса Мих.³ — прекрасный человек. Она эстонка, но пишет стихи по-русски, но пишет для тесного круга знакомых и печататься не стремится. Она тонко чувствует и понимает и жизнь, и поэзию. Благодаря ее чутью и вкусу, мои стихи за последние годы стали несколько иными, я стал строже к себе и требовательнее. Мы живем в рыбацкой деревушке совсем одиноко и месяцами никого не видим. Ближайший интеллигент — племянник адмирала Эссена⁴, инженер, директор госуд. завода — в шестнадцати от нас километрах. Изредка ходим или ездим друг к другу. Иногда приезжает кто-нибудь из Ревеля (за 220 кил.) или из Юрьева (250 кил.).

Но мы не скучаем в глуши. Хотя книг у нас немного, но всюду можно доставать, в любой эстонской избе есть на русском языке и Достоевский, и Лесков, и Бальзак, и Шпильгаген. И кого только нет. И все полные собрания, и все в идеальной сохранности. Жена моя, таким образом, всегда читает, и «от доски до доски». Мы с нею постоянно вместе — и дома, и в природе, и в поездках. Иногда она выступает на моих вечерах, читая меня. Вакх, наш сын девяти лет, живет по соседству у бабушки, матери жены. Живет со дня рождения. Мы, видимо, родители не из важных... Жена преподает ему русский язык. Как только проходит лед на реке, мы целыми днями ловим на удочки рыбу. Увлекаемся этим чудесным спортом уже давно, и он надоест не может. Лососки по 3—6 фунт., много форелей. Но охоты мы не любим: она шумна. Ходим и в леса на озера. Их — 76, и ближайшее в 10 килом. от нас.

Вы говорите, что в 1916 г. кто-то прислал Вам открытку в Харьков о моем отъезде. Думается, это проделка какого-нибудь «доброжелателя» вроде Ховина⁵: эти люди на то ли еще способны! Смутно помню, что был тогда в Харькове⁶, но причины отмены концерта никак не могу припомнить. М. б., предварительная продажа билетов была слабая. Или — время экзаменов. Не помню. А Вы, София Ивановна, помните Тринадцатую? Ведь в Харькове я с нею и познакомился, и она часто бывала в лекторской. Сумбурное было время, безотчетное... Были лучшие намерения и много упорства, и транс... Вечная «опьянен-

ность» нарушала часто правила элементарной благовоспитанности. Смотришься в былое и поражаешься: полно, было ли все это? Как это могло быть?. И как часто изменяло чутье! и — роковым образом иногда... Но и тогда были колебания, и это уж хорошо, т.к. это было тоньше чутья — это было подчутье... И это слегка успокаивает.

Фелиссе Мих. я много рассказывал о Вас, мало Вас зная, много чувствуя. Она будет очень рада осенью, если Бог приведет, с Вами познакомиться: около середины октября мы думаем выехать на Ригу, Ковно, Берлин, Брюссель, Париж, Ниццу, Югославию, Болгарию, Румынию. А пока, мы очень хотели бы иметь Вашу карточку⁷ и надеемся, Вы не откажете нам в нашем большом и искреннем желании и пришлете ее теперь же. Конечно, и мы, в свою очередь, пришлем Вам свои карточки, как только получим их из Риги, где мы недавно снимались у знаменитого... хиролога Финка⁸! Как только получу из Белграда печатающуюся там книгу своих новых стихов, незамедлительно вышлю ее Вам. И там Вы найдете стихи о себе, но без посвящения: Вы сами догадаетесь, какие стихи⁹. Если можно, пришлите карточку и моего тезки — Вашего сына. Кстати, почему Вы не воспитывали его в одном из кадетских корпусов в Югославии? Там можно было бы его устроить на казенный счет, и Вам было бы много легче. Нам предложено, например, отдать Вахха в Белую Церковь или Горажду¹⁰. Но Ф. М. еще колеблется: боится, что ребенок долго не привыкнет к совсем чужим людям. Да и летами его брать домой трудно. А что касается Финка, это нечто изумительное: в ноябре 1930 г., когда мы ехали в Югославию и посетили его в Риге, он, не зная ни нас, ни того, куда мы едем, предсказал все то, что сбылось в пути. И даже предсказал катастрофу с нашим поездом, при которой мы едва не погибли. Это случилось в ночь на 25 янв. между ст. Люстар и Яблоница, в Герцеговине. Только чудом мы остались невредимы: вагон 1 кл., в котором мы находились, слетел уже в пропасть. Крен — 90 градусов! Но об этом вкратце не расскажешь. До сих пор мы бледнеем, говоря и вспоминая об этом. Этот же Финк предсказал мне, что с июня 1931 г. я буду на берегу южного моря на какой-то дивной вилле. Повторяю, до сих пор сбылись все детали даже. Он даже имена людей, с кот. мы должны были встретиться в Сербии, указал в точности. Мы потрясены его даром. Сообщаю Вам его адрес: Фотография Финка. Известковая, 12. Riga, Lettonie. Весь адрес, кроме города и страны, пишите по-русски. Целую Ваши ручки, поздравляю с наступающими Праздниками Св. Пасхи. Жена сердечно кланяется.

Ваш Игорь.

¹ О матери, Наталье Степановне Лотаревой, скончавшейся 13 ноября 1921 года на 76-м году жизни, Северянин писал в одной из автобиографий: «Мать: дочь предводителя дворянства Щигровского уезда Курской губернии Наталия Степановна Шеншина, в первом браке жена ген.-лейт. Г. И. Домонтович. <...> Родственники по отцу матери: Н. М. Карамзин (историк), гр. Клейнмихель (жена министра путей сообщения), Евгений Марков (автор «Очерков Крыма»), Нелидовы и др. (ИРЛИ. Ф. 377 — С. А. Венгеров). К матери и к Богу обращено стихотворение-молитва «За несколько часов (13.XI.1921. 10 вечера)»: «Не отнимай у меня моей матери, / Не превращай моего дня в ночь...» (*Игорь Северянин. Фея Eiole. Поэзы. 1920—1921. Том XIV. Берлин. 1922*). Подробнее о матери см. в «поэме детства»: «Роса оранжевого часа» (1923) (*Игорь Северянин. Стихотворения. Поэмы. Архангельск. 1988*).

² Маруся — Домбровская Мария Васильевна (Волнянская; род. 1895). Под предложенным Северяниным псевдонимом «Балькис Савская» принимала участие в его поэзоконцертах. В произведениях и письмах поэт часто называет ее «Тринадцатая». См., например, посвящение в сборнике «Громокипящий кубок» (М., 1915): «Эта книга, как и все мое творчество, посвящается мною Марии Волнянской, моей тринадцатой и, как Тринадцатой, последней». О ней же, объясняя причину расставания, Северянин писал 13 октября 1921 года А. Д. Барановой: «<...> за семь лет не пожелавшая меня понять и ко мне приблизиться» (*Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой. С. 27*).

³ Круут Феицисса Михайловна (1902—1957), дочь владельца дачного дома в Тойла, где останавливался Северянин. Писала стихи на русском и эстонском языках, помогала Северянину в переводах эстонской поэзии, а во время его поездок участвовала в поэзовечерах, читая его стихи и эстонских поэтов (см.: Круус Р. Новые данные о жизни и творчестве Игоря Северянина // Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. Т. 683. 1986. С. 79—81). Ф. М. Круут посвящено множество стихотворений Северянина. Венчание состоялось 21 декабря 1921 года в Юрьевском (Тартуском) Успенском соборе.

⁴ Эссен Александр Карлович — племянник адмирала Эссена Николая Оттовича (1860—1915). А. К. Эссен, дружба с которым Северянина началась еще в 1920 году, был крестным отцом его сына Вакха (род. 1 августа 1922 г.; в настоящее время живет в Швеции). Эссен упоминается в письмах Северянина к А. Д. Барановой как участник совместных прогулок, домашних чтений-концертов. Позднее, 5 октября 1934 года, поэт, подавленный растущими непосильными расходами на воспитание сына, писал С. И. Карузо об Эссене: «У Вакха есть крестный отец <...>— Александр Карлович Эссен, племянник адм., командовавшего Балт. флотом, героя Порт-Артура, б. командира крейсера „Новик“. Получает в месяц 75 долларов, вдовец лет 20, одинок <...>. Бывает у нас каждое лето, приезжает иногда и зимою. Казалось бы, мог бы помочь хотя бы тем, чтобы взять на свое попечение ребенка. Держи карман шире: за 12 лет плитки шоколада не дал крестнику. А о положении нашем осведомлен блистательно и „сочувствует“ нам. Вот какое окружение! И другие богачи в том же роде».

⁵ О В. Р. Ховине см. прим. 2 к предисловию. Скорее всего, Северянин был знаком с воспоминаниями Ховина, содержащими в том числе и нелицеприятную оценку его творческого пути после их расхождения.

⁶ Участник литературных турне Северянина весной 1916 и зимой 1917 годов по югу России, Георгий Александрович Шенгели (1894—1956), в те годы начинающий поэт, писал позднее в «Автобиографической канве»: «Первое турне с Северянином: Петербург, Москва, Харьков, Одесса» (РГАЛИ).

Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 220. Л. 16, раздел 1916 года). Харьковская газета «Южный край» (1916. 27 апр. С. 6) сообщала о намеченных на 29 и 30 апреля «поэзоконцертах» Северянина со вступительным докладом Г. А. Шенгели «Поэт вселенчества». Однако 30 апреля та же газета объявила об отмене концертов, без указания причин (сообщено К. Ю. Постоутенко). Воспоминания Г. А. Шенгели о знакомстве с Северяниным см. в публикации К. Ю. Постоутенко: *Георгий Шенгели*. Автобиографическая проза // Лица: Биографический альманах. [Вып.] 5. М.; СПб., 1994. С. 374—385. Впечатления о Харькове нашли отражение в «Поэзе о Харькове», датированной 19 декабря 1915 года (с уточнением: «Харьков — Павлоград (поезд)»): «О, Харьков! Харьков! Лучший лучшего! / Цвет самой тонкой молодежи! / Где я нашел себя, заблудшего! / Свою тринадцатую тоже» (*Игорь Северянин*. Собрание поэм. Т. 6. Тост безответный. Поэмы. М., 1916. С. 118).

⁷ В письме к С. И. Карузо от 11 мая 1931 года Северянин писал: «Так радостно было взглянуть на Вас, все такую же очаровательную и утонченную, воскресить в памяти ушедшее в безвозвратность. Я очень благодарен Вам за присланную карточку». Фотографию см. в архиве Северянина в РГАЛИ (Ф. 1152. Оп. 2. Ед. хр. 77).

⁸ Финк Евгений Иванович (1885—1958) — «знаменитый в Риге фотограф и ясновидящий <...> По национальности — цыган. Был и циркачом и музыкантом <...> Газеты регулярно писали о нем, и все рижские дамы считали непрременным являться к нему на сеанс» (из письма к автору публикации рижского писателя, переводчика и библиографа Ю. И. Абызова от 26 апреля 1990 года, которому пользуюсь случаем выразить благодарность за предоставленные сведения). Встреча с Финком и результаты его предсказаний произвели столь глубокое впечатление на Северянина, что он вернулся к этим событиям спустя девять лет, в январе 1940 года, описав их в мемуарном очерке «Гроза в Герцеговине» (впервые опубликован: Юность. 1987. № 4. С. 90—92.) Фотографии с клеймом «E. Fink. Riga» находятся в личном архиве родственницы Северянина Н. Г. Аршас. Ошибочно датированные октябрём 1930 года, они включены в каталог книжной выставки «Игорю Северянину 100» (Таллинн, 1988. С. 33). О Финке см. также: *Krūmiņš E. Eizena Finka Neparastās gaišredzības spējas* // *Liesma*, 1988. № 12. S.17—18.

⁹ Имеется в виду сборник «Классические розы» (Белград, 1931). В экземпляре, принадлежавшем С. И. Карузо, имеется незначительная авторская правка, пометы и надпись: «Светлой Софии Ивановне Карузо, озарившей дни мои в Харькове,— мои безоблачные дни,— душевно к ней воскресленный Игорь Северянин. Estonia. Toila. 23.IX.1931 г.» (ИРАИ. Р. 1. Оп. 25. Ед. хр. 471). О том, что стихотворение, посвященное С. И. Карузо,— «Лилия в море», в первую очередь свидетельствуют пометы автора рядом с текстом: «Харьков. Февраль—март 1915 года» (с. 102), «5 марта 1915 г.» и ниже, рукой С. И. Карузо: «Литературно-артистический кружок. Московская ул.» (с. 103). Кроме того, графиня Карузо «прочитывается» в таких строках: «Хотя титулована громкая / Ее мировая фамилия...».

¹⁰ В 1924 году в Югославии возникли русские средние школы: Крымский кадетский корпус в Белой Церкви, Донской кадетский корпус в Билечи (затем в Горажде) и др. Позднее Русский кадетский корпус из Сараева и Донской кадетский корпус из Горажда соединились с Крымским кадетским корпусом в Белой Церкви (1929 и 1933) (см.: *Бурйћ О. Руска литерарна Србија. 1920—1941. Писци, кружоци и издања*. Белград, 1990. С. 26).

Estonie, Toila, 11.V. <19>31 г.

Дорогая София Ивановна,

более двух недель подряд терзает меня ежедневно, от 11 до 3 дня, жесточайшая невралгия правой стороны головы, всю остальную часть дня я чувствую себя измученным вконец, принимаю Piramidon и др., что, впрочем, мало помогает, — и этим объясняется мое длительное молчание и несвоевременный ответ на Ваше письмо. Так радостно было взглянуть на Вас, все такую же очаровательную и утонченную, воскресить в памяти ушедшее в безвозвратность. Я очень благодарен Вам за присланную карточку. Мне так непередаваемо пленительно и грустно. Мне так сердечно жаль Вашей погибающей молодости, незаслуженно оскорбленной прозой красоты Вашей — всяческой: и внешней, и духовной. Мне так жаль, мне так больно. Дайте же мне милые ручки Ваши, я поцелую их нежно и ласково-почтительно, дайте взглянуть в глаза Ваши и ясно-ясно улыбнуться Вам сквозь слезы. Дай Бог Вам всего самого хорошего на земле, самого желанного Вами! Я воистину рад, что нашел Вас, что Вы живете на этой же земле, отвратительной и обворожительной в одно и то же время. А своей карточки я почему-то, несмотря на неоднократные напоминания, до сих пор из Риги не получил¹ и, если в ближайшее время не получу, снимусь в местечке Иеве, за 12¹/₂ от нас килом., и вышлю Вам. Но это будет возможно сделать только тогда, когда я окончательно избавлюсь от своей болезни. Весеннее солнце — лучший врач.

Ваш сын, может быть, и прав, что влечется к Отрешенности: действительность невыносима по своей жестокости, черствости, глупости. Культуры ведь нет вовсе, и это не секрет. Пока существуют войны, нищета, поношение художников и мыслителей, не может быть всерьез разговора о культуре. Большой вопрос: что лучше: оставаясь участником жизни, научиться рвать у ближнего кусок из горла или отойти в сторону и сотворить благо. Не прелятствуйте Игорю избрать то, что влечет его. Если сумеете отговорить, его влечение было незначительным, если не сумеете — это его судьба. Я сам монах Зеленого Монастыря Природы². Я не мыслю себя в городе, среди людей. Я умер бы там, я не вынес бы. Скопище людей — скопище зла и порока. Бог с ними. Устал, изверился, не хочу. В Париже мы были с женою у Юсуповых. И вот Феликс Феликсович вполне мне сочувствовал в стремлениях моих к Отрешенности. Это так редко в наше

время, когда тебе сочувствуют, и я очень признателен ему. Он с Ириной Александр. каждое лето проводят на Корсике, где у них именье. Кстати, как красива до сих пор Ирина Ал., хотя 22. II этого года исполнилось уже 17 лет со дня ее замужества. Вот Ксения Ал<ександровна> сторбилась и осунулась значительно³. А у нас начинается весна, да, не удивляйтесь, — только начинается... в середине мая! зеленеет травка, цветут подснежники, хотя в горах еще много саженной толщины снега, и лед на речке прошел только на днях. Когда утихают мои боли, иду в парк, в наш громадный дивный сосновый парк, к реке, и ловлю лососок. Фелисса Мих. собирает фиалки, душистые, бледные фиалки. Их очень много в этом году, и солнечные горки все лиловые от них. А вскоре пойдут анемоны и ландыши, потом черемуха и сирень. Жена моя безумно любит цветы и ходит, иной раз, за 12 верст за ландышами, где их всегда изобилье. Вы говорите, что не любите хозяйства. Вот и жена моя терпеть не может возиться с кастрюлями, а приходится: прислуги мы не держим, все сами себе делаем — и дрова пилим и рубим, и воду из колодца носим, и стирает жена, и полы моет. Я не сказал бы, чтобы это особенно привлекало нас, но... что же, София Ивановна, делать? Поэт и за это должен быть благодарен судьбе: отношение к поэзии в наши дни презрительное, свысока, враждебное. Слава Богу, что кое-как удаётся концы с концами сводить. Какие же могут быть еще претензии? Для удовольствия и призрачной славы по Европе не поедешь. И с какими неудобствами — в 3 классе, без плацкарт. Вечное утомление, серхсильная ноша. Экономить в пути каждый грош, чтобы лишний месяц сметь прожить в боготворимой глуши независимо. Будь у меня возможность, я немедля послал бы Вам денег, много денег, и Вы приехали бы со всей семьей к нам, отдохнули бы, ожили бы в оживляющей природе нашей. И, верю, никогда бы Вы не обиделись на меня, так как мой порыв свят и уж действительно от души, от всего сердца. Да вот нет этой возможности, к сожалению крайнему. А уж как хотелось бы мне увидеть Вас радостной и беззаботной!.. Книга моя⁴ все еще печатается в Белграде, и когда она выйдет, понятее не имею. Возмутительно-халатное отношение. Само собой разумеется, как только получу, вышлю ее Вам. Посылаю Вам несколько старых, штемпелеванных т. е., марок нашей страны. К сожал., сейчас нет больше под рукой. Я их буду собирать для Вашего сына. Вчера море выбросило первую в этом году жертву: дочь хуторянина за 4 кил. от нас. Богатая, красивая девушка поздней осенью, в поздний час, ушла из дома без всякой видимой причины, как теперь оказалось, бросилась в море. Мы были в Белграде в это время, но, когда

вернулись, нам рассказывали, как все окрестные деревни ходили по лесам и по побережью искать ее труп; и только теперь нашли. Грустная находка! Не выдерживают людские сердца пошлости и прозы условий современной жизни. Все так буднично, серо, безнадежно. Что же касается Востока, Вы, несомненно, правы: он победил, но гоненье религии — его гибель. Без Бога нет жизни, нет поэзии, нет музыки, нет любви. И победитель — встанет день — погибнет. Но прежде, м. б., погибнет Европа. Да, да, София Ивановна, впереди жуть, и, ради Бога, не препятствуйте Игорю в его выборе. Если это глубоко у него, если это серьезно, Вы не отговорите его. Испытайте же его. А Ваш муж с Вами? Как его имя-отчество? Что Вы ничего не говорите о нем? Я все хочу знать, что Вас касается. Фелисса Мих. просит меня передать Вам ее искренний привет. Целую ручки Ваши. Пишите поскорее, пожалуйста, не осудив меня за мое объясненное молчание.

Всегда Ваш Игорь.

¹ См. прим. 8 к письму 3.

² См. прим. 20 к предисловию.

³ Юсупов, князь, Сумароков-Эльстон граф Феликс Феликсович (1887—1967) — представитель родовитой российской аристократии, получил образование в Оксфордском университете. Был одним из организаторов и участников убийства Григория Распутина в 1916 году, после чего выслан в собственное имение Ракитное в Курской губернии. В 1919 году эмигрировал. Жил во Франции. В Париже выпустил две автобиографические книги: «Avant l'exil. 1887—1919» (1952) и «En exil» (1954). 9 (22) февраля 1914 года Ф. Ф. Юсупов женился на великой княжне Ирине Александровне Романовой (1895—1970), дочери великого князя Александра Михайловича, племяннице Николая II. Ее мать — великая княгиня Ксения Александровна Романова (1875—1960), дочь Александра III.

Певец и композитор Александр Николаевич Вертинский (1889—1957), вспоминая о 1930-х годах, проведенных в Париже, рассказывал и об этой семье. В частности, о том, что «<...> Юсупов очень любил общество и особенно людей искусства. В его доме я встречал и Куприна, и Бунина, и Алданова, и Тэффи, и весь балет, и всех художников, и многих артистов» (Вертинский А. Дорогой длиною... М., 1990. С. 190).

⁴ Речь идет о сборнике «Классические розы» (см. прим. 9 к письму 3).

Toila, 12.VI.1931

Светлая София Ивановна! Сажусь писать Вам, предварительно распахнув окно в сад, напоенный цветущей сиренью. У Вас уже давно отцвела, у нас в полном расцвете. Вот вишни и яблони уже отцветают, как и рябина. В лесах позванивают бубенчики ландышей, на скалах шелковеют «японские» анемоны, так что Фелисса Мих. положительно не знает, что раньше собрать. Весь

дом наш утопает в цветах. Все канавки полны незабудок и золотой купальницы. На клумбах готовятся к расцвету душистый горошек, левкой, резеда, цветут «Иван да Марья». Весна кончается. Сорок четвертая в моей жизни, двадцать девятая в жизни моей жены. В природе настает лето, в моей жизни — осень, поздняя осень, предзимье. Но не знаю, как-то плохо все это чувствуется. Разве — иногда, минутами. А так бодрости и оживления хоть отбавляй! Молода душа, живуча, несмотря ни на какие невзгоды. И часто такое «выкидываешь», что потом сам изумляешься: уж очень это несовместимо с амплуа «монаха зеленого монастыря»¹... Правда, это случается редко и, чем дальше, тем все реже, но все же и теперь, два-три раза в год, на меня что-то находит. Тогда я бегу куда-нибудь в леса, на озера или в Гунгербург (ближайший курорт). После «встряски» делаюсь еще спокойнее и мудрее, и примитив жизни становится еще дороже, еще ценнее и прекраснее. Да, человеку необходимы контрасты, и с этим ничего не поделаешь. Но Ф. М. — враг всяких «срывов» и весьма болезненно на них реагирует. Чтобы ее не огорчать (я очень дорожу ее спокойствием), я все реже и реже «уединяюсь». Дома мы ведем очень нормальный образ жизни, а вино, напр., даже и на стол никогда не подается: Ф. М. его не признает абсолютно. Исключенья не делается даже и для пьющих гостей: «в чужой монастырь» и т. д. Я совершенно согласен с нею в этом отношении и признателен за ее заботы о моем здоровье, т. к. частое питье мне чрезвычайно вредно. Как, впрочем, и большинству людей. Но ведь это же аксиома. Но все-таки иногда я «схожу с ума»!.. Я человек большой веротерпимости, и меня несколько не удивили Ваши «городские» вкусы. И я придерживаюсь того же взгляда, что люди должны быть, по возможности, разнообразнее. Я люблю Вагнера, но люблю и Россини, и Грига. Люблю Гумилева и одновременно Гиппиус. Нахожу ценное в Лохвицкой, но не отвергаю и Ахматовой². И разве это не ясно? Но жить постоянно в городе, повторяю, не мог бы: слишком многое отвлекает от мишуры и того отвратительного — весьма разнообразного, — что является неотъемлемой принадлежностью только города, т. е. места чрезмерного скопления людей. Я люблю людей, мне интересных, все же остальные действуют на меня, в лучшем случае, удручающе. Вы говорите, что я религиозный человек. На мой взгляд, да, хотя я в церкви почти никогда не бываю и молюсь, большей частью, дома. Но и молитвы мои не только общепринятые, — я часто молюсь стихами. Я всегда чувствую крепкую связь с Подсознательным, с Высшим, и в этом никто, ничто не может меня разубедить. Я стараюсь не причинять

боли людям близким да и вообще. Вы пишете, Игорь не любит модных танцев. Они и мне совсем не нравятся, тем более, что последнее время это стало каким-то психозом и очень отвлекает людей от искусства, а я, как представитель его, не могу, конечно, этому радоваться. Я очень рад, что Ваш муж такой достойный и хороший человек, что поддерживает Вас и помогает в трудностях жизни. Одной Вам было бы неизмеримо хуже переносить все невзгоды. Эмигрантскую литературу я почти не вижу: книги очень дороги, но все же иногда приходится познакомиться то с той, то с другой. Эренбурга почти не читал. Хорошая книга — «Грамматика любви» Бунина³, «Оля» Ремизова⁴. Советских читаю больше. Нравится мне П. Романов⁵, Катаев, Лавренев, Шишков, Леонов. Гладкова не читал. Пильняка знаю ограниченно. Есенина лично не знал. Творчество его нахожу слабым, беспомощным. Одаренье было. Терпеть не могу Есенина, никогда книг в руки не беру после неоднократных попыток вчитаться. Он несомненно раздут⁶. Убийственные вкусы публики! Да и в моих книгах выскивалось всегда самое неудачное. Все «тонкости» проходили — и проходят — незамеченными. Нравится ли Вам Гумилев, Гиппиус, Бунин⁷, Брюсов⁸, Сологуб — как поэты? Это мои любимейшие. Не знаю, писал я ли Вам, что, в сотрудничестве с женою, перевел «Антологию эстонской поэзии за сто лет»? Книга вышла в 1928 г. в Юрьеве⁹. Но теперь такие милые порядки, что я не получил ни одного экз., хотя автору полагается, по крайней мере, от 10 до 25 экз. Жена купила мне нашу же книгу!.. Вы слышали что-либо подобное? А «Классические розы»¹⁰ все еще печатаются... Это уже похоже на анекдот: с января! В ночь на Ивана-Купала, — это уже вскоре, — у нас ежегодно устраивается народное празднество: на лужайке над морем, на высоте 50 метров, жгут костры, играет духовой оркестр, составленный из рыбаков, молодежь танцует модные и старые танцы. Местные девушки и женщины одеваются в праздники по-городскому и строго придерживаются моды, да и кавалеры от них не отстают в этом отношении. Вообще, надо сознаться, далеко нашему крестьянину до эстонского. Все выписывают газеты, покупают журналы, дома содержат в поразительной чистоте, многие играют на пианино Сибелиуса, Листа, Бетховена, едят превосходно и вкусно, устраивают часто любительские спектакли, играя подчас даже Шиллера, обязательно ходят на лекции приезжающих из городов докладчиков, знают и чтут своих писателей, поэтов и художников, по праздникам посещают церковь (они лютеране). Народ трудолюбивый, честный, сдержанный, упорный, приветливый. Во всяком случае, более приветливый, чем финны, родственные ему, как и венгры. Страна преимущественно земледельческая, мелко-

собственническая. Коммунизм имеет успех лишь у безземельных крестьян и у городских рабочих, как, впрочем, и везде. Даже в армии, кстати сказать небольшой, но устроенной по последнему слову техники, солдаты живут по-человечески, у каждого свой прибор, перед обедом должны мыть руки, и традиционный русский траур ногтей здесь строго преследуется. Полное переобразование высшего образования, так что даже многие урядники окончили университет! Сильно развито автомобильное сообщение, — дороги все время ремонтируются и поддерживаются, — и экскурсии учащихся, весьма здесь распространенные, пользуются автокарами, автобусами и просто приспособленными для этой цели грузовиками. А о дешевизне можете судить хотя бы по тому, что пансион (полный, с постельным бельем) на лучшей даче в дивном парке стоит 70 эст. крон в месяц, т. е. 19 долларов с человека! Мы же проживаем все вместе — жена, я и содержание Вакха у бабушки — 15—16 долларов в месяц. И, благодарение Богу, с голода не умираем. Где можно найти такую дешевую страну? Эстония и Латвия. Меня очень интересует Ваша девическая фамилия. И, вообще, если бы Вы написали мне подробнее о своем детстве и юности, Вы доставили бы мне большое удовольствие. Вот Вы равнодушны к природе, но все же, вероятно, грустите иногда о своем имени? В какой губернии было оно, в каком уезде? Была ли река, парк? Напишите мне, дорогая София Ивановна. Кто из родных и родственников остался у Вас в России? Из какой национальности Ал<ександр> Гр<игорьевич>? Жизнь человеческая часто интереснее самой увлекательной книги, тем более жизнь человека, который тебя интересует. Иногда по маленьким штрихам каким-нибудь восстанавливается главное и значительное.

Вскоре я жду к себе из Праги своего давнишнего приятеля — эст. видного поэта и магистра философии Вильмара Адамса¹¹, и тогда мы с ним предпримем прогулку в Пюхтицкий монастырь¹², расположенный в озерном лесу, в 35 верстах от нас. Адамс пробудет, как пишет, у нас около месяца. Это очень талантливый и милый человек, идеально знающий русский язык и русскую литературу, хотя его специальность — скандинавская. Одни гости на днях уже уехали от нас, вскоре придет жена другого эст. поэта — самого модного — из Юрьева. Но она в последнем градусе чахотки, эта обреченная, чуткая, изумительно красивая женщина¹³. «Я приеду, если жизнь моя не облетит вместе с лепестками яблони», как недавно писала она мне. Фелисса Мих. шлет Вам искренний привет. Нежно целую ручки Ваши, ярко вижу Харьков.

Игорь.

239

¹ См. письмо 4.

² В меняющемся ряду литературных пристрастий Северянина (это касается и перечисленных здесь и далее в письме писателей) Мирра Александровна Лохвицкая (1869—1905) — предмет неизменного (с 16-летнего возраста) преклонения. Ее творчество оказало воздействие на становление Северянина, ей посвящены стихотворения «Царица русского стиха» (1918), «Мирра Лохвицкая» (1926) и др. Большинству перечисленных в письме литераторов и композиторов посвящены стихотворения в сборнике «Медальоны. Сонеты и вариации о поэтах, писателях и композиторах» (Белград, 1934).

³ В библиотеке Северянина сохранился экземпляр книги И. А. Бунина «Грамматика любви» (Белград, 1929), изданной в серии «Русская библиотека». В этой же серии вышел сборник Северянина «Классические розы» (1931). Благодаря получаемым (нерегулярно) из Белграда изданиям серии, Северянин имел возможность знакомиться с литературой русского зарубежья. Часть этих книг также сохранилась в библиотеке поэта в Государственном литературном музее им. Ф. Крейцвальда АН Эстонии (Тарту). См. также примеч. 6 к письму 7.

⁴ Бывая в Париже, Северянин встречался с Алексеем Михайловичем Ремизовым (1877—1957). Книга «Оля» (Париж, 1927), судя по дате надписи, подарена Северянину автором в одну из таких встреч: «Игорю Северянину — с прямой душой и открытым сердцем повесть о пламенном сердце. Алексей Ремизов 5.2.31 Paris». В числе других книг Ремизова, подаренных тогда же, «Оля» сохранилась в библиотеке Северянина. Воспроизведения дарительных надписей см.: *Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. С. 134. Сохранились и письма Ремизова к поэту, содержащие приглашения в гости, предложения получить его книги, сообщения об откликах в печати о парижских литературных вечерах Северянина (см.: РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 27).

⁵ Романов Пантелеймон Сергеевич (1884—1938), популярный в те годы советский писатель, автор вызвавшего бурные дискуссии рассказа «Без чермухи» (1927), уже в 1929—1930 годы выпустивший в Москве полное собрание сочинений в 12-ти томах.

⁶ Этой оценке творчества Есенина противоречат воспоминания Ю. Д. Шумакова, относящиеся к середине 30-х годов: «С неподдельным восторгом говорил Северянин о Есенине. Он знал наизусть „Анну Снегину“ и многие его стихотворения. <...> „Есенин — весенний гений <...>. Сергей — гордость русского народа“ <...> Смерть Есенина просто потрясла Игоря Северянина» (*Шумаков Ю.* Из воспоминаний об Игоре Северяnine // Звезда. 1965. №3. С. 194). Однако сонет «Есенин» (1925) не содержит восторженной оценки, а в «романе в строфах» «Рояль Леандра» (Бухарест, 1935), датированном мартом 1925 года и воссоздающем предреволюционное десятилетие, Есенину посвящены лишь такие строки: «И, сопли утерев, Есенин/ Уже созрел пасти стада».

⁷ О знакомстве с И. А. Буниным весной 1938 года во время его поездки по государствам Прибалтики см. в очерке Северянина «Моя первая встреча с Буниным» (1939) (*Игорь Северянин*. Сочинения. Таллинн. 1990. С. 426—428).

⁸ Особым было отношение Северянина к В. Я. Брюсову. О знакомстве поэтов (сначала эпистолярном) в 1911 году по инициативе Брюсова, увлеченного, а затем разочарованного поэзией молодого Северянина, их взаимных обидах и примирении см. в очерке «Встречи с Брюсовым» (1927) и комментариях к нему (*Игорь Северянин*. Сочинения. Таллинн. 1990. С. 376—383, 483—492). Брюсову посвящены стихотворения Северянина:

«Валерию Брюсову» (1918), «Брюсов» (1918; «Никем не превзойденный мастер...»), «На смерть Валерия Брюсова» (1924), «Брюсов» (1926; «Его воспламенял призывный клич...»). Брюсов также посвящал стихи Северянину.

9 В 1928 году (фактически — в 1929) в Тарту в издательстве В. Бергмана вышел сборник «Поэты Эстонии. Антология за сто лет (1803—1902 г.)», включавший переводы Северянина тридцати трех авторов, выполненные по подстрочникам Ф. М. Круут. Будучи первым большим собранием переводов эстонской поэзии на русский язык, антология, однако, «не создавала достоверной панорамы», так как состояла, главным образом, из произведений внутренне близких Северянину или принадлежавших его друзьям (см.: Исаков С. Игорь Северянин и Эстония // *Игорь Северянин*. Сочинения. Таллинн. 1990. С. 33—34). Сам же поэт в предисловии объясняет это недоступностью для него «в приморской глуши» необходимых книг.

10 См. примеч. 9 к письму 3.

11 Адамс Вильмар (Вальмар) Теодорович (Адамс-Александровский Владимир Федорович; 1899—1993), поэт, литературовед, доцент Тартуского университета. О знакомстве с Северяниным 6 февраля 1920 года во время его поэзоконцерта в Тартуском университете В. Адамс написал в книге «Эста вступает в жизнь» (Таллинн, 1987, на эст. яз.). Главу «Игорь Северянин в Тарту» в переводе Ю. Д. Шумакова см.: «Венок сонетов: Игорь Северянин». Таллинн, 1987. С. 14—19. По окончании Тартуского университета со степенью магистра философии в 1929—1931 годах В. Адамс продолжал обучение в Пражском университете. О Северянине см. также: *Адамс В. Из воспоминаний современника* // Советская Эстония. 1987. 5 мая.

12 Имеется в виду православный Пюхтицкий Успенский женский монастырь, расположенный в эстонском поселке Куремяэ. Любитель дальних прогулок, Северянин нередко бывал и останавливался в монастыре, а в 1927 году посвятил ему цикл из шести стихотворений «На колокола» («Классические розы». С. 45—48). См. мемуарный очерк Ю. Д. Шумакова «Игорь Северянин в девичьем монастыре».

13 По-видимому, речь идет о Хильде Францдорф (1898—1941), жене эстонского поэта Хенрика Виснапуу (1890—1951), друга Северянина с 1919 года. Северянин много переводил Виснапуу, в том числе лирический цикл «Письма к Инг», посвященный Х. Францдорф (см.: «Из писем к Инг» (Из г. Виснапуу) // Сегодня. [Рига]. 1926. 11 июня. № 127. С. 6). О том, что В. Адамс и Х. Францдорф (?) побывали в Тойле, свидетельствует письмо Северянина к А. Д. Барановой от 5 сентября 1931 года: «Гости наши разъехались — <...> и маг<истр> фил<ософии> из Праги <...> и еще одна дама из Юрьева <...>» (*Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. С. 71).

6

Toila, 30 авг<уста> 1931 г.

Дорогая София Ивановна, только вот сейчас выискал свободную минутку, чтобы наконец написать Вам — рассказать, объяснить свое молчание, извиниться за него. Только недавно уехали от нас гости — прив<ат>-доц<ент> из Юрьева¹, дама оттуда же², маг<истр> филос<офии> из Праги³, барышня из Гунгербурга⁴, вдова эст. художн. из Ревеля⁵. При них я и к столу письменному не подходил, а сразу же после их отъезда сел за

писание лекций о Гумилеве и Лохвицкой⁶, чтобы иметь запас в предстоящей поездке. В прошлый раз я читал в Белграде в Научн. Инст. две лекции: 1. «Первая книга Фофанова» и 2. «Эстляндские триолеты Сологуба»⁷. Ежедневно вспоминал Вас все это время и мне ужасно хотелось написать Вам, но то одно, то другое всегда отвлекало. Кончается лето, такое ровное и яркое в этом году, алеет рябина, желтеют чуткие к осенним краскам липы, в лесу уже появились грибы и «горькая брусника», мы с Ф. М. готовимся к отлету в южные страны. Деньги — сбережения от Югославии и Парижа — иссякают, так что к середине сентября мы уже совсем бедными будем. И то хорошо в наше время — почти семь месяцев продержались, а это уж очень и очень много: французские поэты у себя на родине живут сегодняшним днем. Итак, мы думаем ехать на Балканы, опять на Балканы, т. к. в Югославии есть еще ряд городов, где я не успел прошлый раз выступить, напр., Марибор, Сомбор, Загреб, Новый Сад, Цетинье. Да и в некоторых нужно повторить вечера, как напр. в Белграде, Сараеве, Любляне (Лайбах). Но теперь возникает вопрос: как ехать — через Варшаву и Вену или через Берлин, Брюссель, Париж прямо на Любляну? Мне уж очень хочется с Вами, София Ивановна, повидаться, да и в Бельгию тянет, в воспеугу когда-то мною Бельгию⁸. Конечно, второй путь гораздо сложнее и без импрессарио проделать его рискованно в наше время. Но импрессарио теперь таковы, что их хватает буквально только на один город: я имею в виду импрессарио вечеров стихов, конечно. Это народ робкий, безденежный, маниаки в своем роде. Какой же солидный устроитель будет возиться со стихами?! Публика, интересующаяся поэзией, малочисленная, неимущая, «придурковатая»... Во всяком случае, я напишу сегодня же своему импрессарио (распутинскому банкиру Рубинштейну)⁹ в Париж — спрошу его может ли он устроить, как хотел весною (тогда я не хотел!) третий вечер. Тогда он предлагал в зале Большой оперы!.. Я не шучу: он предлагал именно в этом помещении. Чем он руководствовался — его тайна... А, м. б., он не совсем нормален... Но вот с Брюсселем как поступить? М. б., у Вас есть кто-нибудь, знакомый с местными условиями, кто дал бы какой-нибудь совет или взял бы на себя организацию вечера? Выезжаем мы между 1—15 окт., так что можно было бы заранее — именно много заранее — зафиксировать день, чтобы не прожигаться в отъездах. Я и Рубинштейна попрошу о том же. Итак, наша встреча висит в воздухе. С каким удовольствием я никуда в эту осень не поехал бы, а принял Вас у себя. Увы, это невозможно, и вот приходится искать другие пути. Относительно Берлина не думаю, чтобы что-нибудь вышло, но попробую и сейчас же, вслед за

письмом в Париж, напишу своей знакомой в Берлин¹⁰ — зондируем почву. А уж из Югославии поедем, с Божией помощью, в Болгарию и, возможно, в Румынию. Не ехать нельзя, так как иначе мы здесь без денег и без кредита погибнем в первую же зиму. С деньгами здесь очень дешево и мило, без них — гибель, и ужасная притом. Хочешь — не хочешь — поезжай. Какое-то агасферство! Как Вы проводили свободные часы своего лета? Удалось ли Вам побывать где-либо? Напишите мне, хорошая, не сердитесь на мое длительное молчание, мне искренне больно, что я такой нескладный и не мог найти минутки, чтобы давным-давно Вам черкнуть. Но вот приехали люди, постоянные прогулки, разговоры, чтение вслух, и я вышел из колеи. А потом — эти лекции. Что касается снимка, до сих пор, верите ли, не удосужился попасть в Иеве. Как-то в июле ездил один (Ф. М. не захотела) в Гунгербург к знакомым за 37 килом., думал там сняться. Но приехал туда уже в семь час. веч., когда фотографии заперты, а ночевать не мог, т. к. меня ждал автомобиль, кот. дорого берет за каждый час ожидания. Или пришлю Вам карточку из Ревеля, где буду брать загран. паспорт, или же... привезу Вам лично! Книга, печатающаяся в Белграде, не вышла до сих пор¹¹. Это ли не возмутительно?! Читали ли мои стихи в «Числах», № 5?¹² Целую Ваши ручки. Ф. М. шлет Вам искренний привет. Я себя как-то странно чувствую. М. б., влияет предстоящая поездка? Не знаю.

Всегда Ваш Игорь.

¹ Имеется в виду Правдин Борис Васильевич (1887—1960), литератор, преподаватель (приват-доцент) Юрьевского (Тартуского) университета; участник, наряду с Северяниным и В. Адамсом-Александровским, альманаха «Via Sacra» (Юрьев, 1922). Приезжая в Юрьев, Северянин обычно останавливался у Правдина (см.: *Шумаков Ю. Игорь Северянин в Эстонии // Игорь Северянин. Стихотворения и поэмы. 1918—1941. М., 1990. С. 434—435*).

² См. примеч. 13 к письму 5.

³ 5 августа 1931 года Северянин писал: «У нас гостит Адамс. Целыми днями — стихи, острые разговоры. Приезжайте в субботу <...>» (Письма Игоря Северянина Ирине Борман; см. также прим. 11 к письму 5).

⁴ Речь идет об Ирине Константиновне Борман (1901—1985), дочери гунгербургского домо- и дачевладельца, поэтессе, выступавшей под псевдонимом «ИрБор», участнице таллинского «Цеха поэтов», руководимого Ю. П. Иваском. С юности увлеченная поэзией Северянина, И. К. Борман познакомилась с поэтом летом 1927 года и до конца жизни оставалась пропагандисткой его творчества. Ей посвящены «Стихи сторяча» (*Игорь Северянин. Классические розы. С. 101—102*). О ней же писал Северянин 5 октября 1934 года С. И. Карузо, рассказывая, что летом ездил «в Гунгербург к одной приятельнице, у которой из шести дач осталось только две — остальные прокушала за эти годы! Эта барышня (русская) пишет стихи, рисует, читает на эстраде, поет (меццо!). Ей 28. Знаю ее лет семь.

Ежегодно приезжает к нам летом. Оригинальна, смела и очень нравственна. С нею бывает уютно почитать, побеседовать. С нею, с этой Ириной». О встречах с поэтом И. Борман оставила воспоминания: Игорь Северянин в Тойле // Русская мысль. [Париж]. 1992. 14 февр. № 3916. С. 10—11. Подробнее об И. К. Борман см.: Радуга. [Таллинн]. 1989. № 5. С. 72—77.

⁵ Имеется в виду художница Агата Везбер (род. 1901), вдова художника Куно Везбера (1898—1929).

⁶ Сведений о чтении Северяниным подобных лекций найти не удалось.

⁷ Лекция «Первая книга Фофанова» состоялась 20-го, а «Эстляндские триолеты Сологуба» 29 декабря 1930 года (см.: Тарановский Ф. В. Русский Научный институт в Белграде за первые шесть лет его деятельности (с 1928/29 по 1933/34 акад. год включ.) // Записки Русского Научного Института в Белграде. Вып. 11. Белград, 1935. С. 221). Очевидно, именно эта лекция о Сологубе была опубликована в варшавской газете «За свободу!», о чем Северянин писал рижской знакомой Г. Н. Рустейкес 20 декабря 1927 года: «Да, смерть Сологуба меня очень опечалила, Вы правы. Он умер 5.XII, а 4.XII в „За свободу!“ появилась моя о нем статья (очень большая): „Сол. в Эстляндии“. Накануне смерти. На днях написал еще две большие статьи: „Салон Сологуба“ и „Эстляндские триолеты Сол.“» (Собрание М. С. Лесмана. Автор выражает глубокую признательность Н. Г. Князевой за возможность работать с северянинскими письмами). Статья «Салон Сологуба» вышла в рижской газете «Сегодня вечером». 1927. № 291 (см. также: Даугава. 1989. № 7. С. 86—88). Статья, озаглавленная «Триолеты Сологуба, написанные им в Тойле», опубликована в газете «Вести дня» (Таллинн). 1934. № 194 (21 авг.). Эта и две другие статьи, посвященные Сологубу, включены в сборник «Сочинений» Северянина (Таллинн. 1990. С. 384—401): «Сологуб в Эстляндии» (по рукописи, хранящейся в РГАЛИ) и «Умер в декабре. (Памяти Ф. Сологуба)» (по публикации газеты «Сегодня» [Рига]. 1927. № 280 (11 дек.)). Все перечисленные публикации носят мемуарный характер и, наряду со стихами Северянина, посвященными Сологубу и его жене, А. Н. Чеботаревской (1876—1921), их перепиской, свидетельствуют о дружеских взаимоотношениях. Ф. Сологуб — автор предисловия к первому большому сборнику Северянина «Громокипящий кубок». СПб.: Гриф. 1913. [С. 5]. В архиве Ф. Сологуба в ИРЛИ сохранились письма к нему Северянина (9 писем, 1 телеграмма, за 1912—1921 годы (Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 615), автографы стихотворений за 1911—1915 годы (Оп. 7. Ед. хр. 31), письма (35) за 1912—1916 годы к Ан. Н. Чеботаревской (Оп. 5. Ед. хр. 237), биографические документы поэта (Оп. 6. Ед. хр. 34). В составе личной библиотеки Сологуба — книги Северянина с дружескими надписями. Так, на титульном листе второго издания «Громокипящего кубка» (1913) записано: «Дорогому Фед. Куз. Сологубу — любящий автор. 1913. Осень» (Библиотека ИРЛИ. ^{1939и}/₃₄₆₀).

⁸ Очевидно, Северянин имеет в виду стихотворение «Поэза о Бельгии», написанное в октябре 1914 года, после артобстрела немцами Брюсселя (*Игорь Северянин*. Victoria Regia. М.: Наши дни. 1915. С. 109—110).

⁹ Рубинштейн Дмитрий Львович (1876—1936) — адвокат, биржевой деятель, основатель и распорядитель Русско-французского банка в Петербурге. Поддерживал деловые отношения с Г. Распутиным.

¹⁰ Сообщая А. Д. Барановой предполагаемый маршрут поездки, Северянин писал 5 сентября 1931 года: «Все будет зависеть от графини К<арузо> в Брюсселе и от одной дамы в Париже: если удастся там организовать вечера, мы поедем через Берлин. <...> Хорошо было бы и выступить где-либо попутно, хотя бы и в небольшом зале» (*Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. С. 71). Судя по всему, поездка в Берлин не состоялась

(ср. в письме к тому же адресату от 5 февраля 1932 года: «Когда-то мы еще попадем в Берлин: он не по пути всегда...» — там же. С. 75). «Дама в Париже» — возможно, Тэффи (Надежда Александровна Бучинская; 1872—1952), писательница, сестра Мирры Лохвицкой, жившая с 1920 года в Париже. Северянин ценил ее творчество, поддерживал с ней добрые отношения: встречался во время поездок, состоял в переписке (см.: РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. № 13), посвящал ей стихи (см. воспоминания Тэффи: «Мои современники: Игорь Северянин» // Слово. 1992. № 8. С. 64). В неизданной книге Н. А. Тэффи «Моя летопись. Воспоминания» есть глава о Северянце (см.: РГАЛИ. Ф. 1174. Оп. 2. № 13. Лл. 33—37).

¹¹ См. примеч. 9 к письму 3.

¹² В парижском журнале «Числа» (1931, № 5) опубликованы стихотворения Северянина: «Отличной от других», «Моя удочка», «Не более чем сон», «Осенние листья», «У лесника». В этом же номере помещена статья Н. Оцуца «Северянин в Париже» (с. 264—265).

7

Toila, 17.IX.1931 г.

Светлая София Ивановна!

Пишу Вам в день Вашего Ангела — приветствую Вас! Ваше письмо я получил на днях. Благодарю за хлопоты и советы. Пока не получил письма из Парижа и Берлина¹, подожду писать в «Баян»². Относительно Югославии имею уже два предложения: из Белграда и Любляны (по два вечера). Если Париж отпадает, поедем на Варшаву — Вену — Люблян, и, значит, в эту осень с Вами не удастся повидаться, что для меня крайне досадно. Ваши карточки я своевременно получил, — неужели же я забыл поблагодарить Вас тогда же? Простите мою рассеянность, пожалуйста. Одна из этих фотографий живо напомнила мне Вас в харьковский период — догадайтесь, какая?... То, что и Вы, и А. Г. лишаетесь в ближайшее время работы, положительно страшно в наше время, но я твердо знаю, что вам обоим удастся что-либо найти, — я так чувствую. Надо только верить в светлое, и оно будет непременно: беда властна исключительно при сомнениях. Сама жизнь в наших руках: «Жизнь в нашей власти...», «Смерть — малодушие твое...». Мы с женою хотели бы, чтобы Игорь приехал на будущее лето к нам. Нам хотелось бы лично с ним познакомиться, посмотреть его, познать. Этот приезд не был бы ни в каком отношении лишним, ненужным. Но только, как знать, что будет с нами и со всей Европой через год? Эта безработица, эти крахи, эти взрывы поездов — симптомы угрозные. «Коммунизму» и «капитализму» — этим двум понятиям, этим двум мироощущениям — никогда не ужиться вместе. Их столкновение — ужасающе-страшное — в конце концов

совершенно неизбежно, и у меня нет ни малейшей уверенности в победе капитала. Собственно говоря, жестоки и бессердечны обе системы, и я не приверженец ни одной из них. Остается надеяться лишь на то обстоятельство, что коммунизм в Европе выразится в более культурной и терпимой форме, нежели там, на востоке... Но сперва будет и в Европе отталкивающе, это ясно, и пережить это время не так-то просто и легко. Сколько будет невинных жертв, недоразумений всяческих и недоумений. Я — индивидуалист, и для меня тем отчаяннее все это. Затем я никогда не примирюсь с отрицанием религии, с ее преследованиями и гонениями. Но не скрою, много правды и у «коллектива». Как все это сочетать, сгармонизировать — вот вопрос.

Разрушение Храма Христа Спасителя³ производит на меня отвратительное впечатление. Я все время жду чуда, которое потрясло бы русский народ, заставило бы его очнуться. Но священники, в своей массе, сделали, кажется, в свое время, все от себя зависящее, чтобы поколебать народную веру... И вот теперь результаты. Все это так тоскливо и безнадежно, что даже говорить подробнее об этом не хочется...

Вчера от нас уехал последний гость — молодой поэт из Варшавы⁴. Он пробыл у нас неделю, и совершенно очаровался здешней природой. Славный мальчуган, но круглая бездарность. Как и большинство русской поэтической молодежи, впрочем. Все эти «Числа», «Соврем. записки»⁵ — сплошное убожество в смысле поэзии. А какой апломб! Какая наглость! Какая беззастенчивость! Иногда меня эти «поэты» положительно возмущают. И как непоправимо они бездарны!.. На днях я получил из Белграда от Палаты Академии Наук целый ворох книг — все издания «Русской библиотеки»⁶. Сюда вошли и Куприн, и Шмелев, и Бунин, и Мережковский, и Гиппиус, и Лазаревский, и Зайцев, и др., и др. Я очень тронут этой любезностью. Теперь мы на много недель обеспечены чтением. Только когда же читать, если уедем? Впрочем, несколько книг я уже успел прочесть, так напр. «Синюю книгу» Гиппиус⁷ (дневник дней революции). Нахожу ее взгляд совершенно правильным. Всецело к ней присоединяюсь. Вы читали? Прочтите непременно. А какая тонкая и прелестная книга Тэффи — «Книга июнь»⁸. Это бесспорно лучшая из ее книг. В ней столько своеобразной, глубокой и верной лирики. Да и стихи Тэффи иногда очаровательны: недаром она сестра своей Сестры — Мирры Лохвицкой. У нас стало уже заметно холоднее, желтеют слегка деревья, воздух прозрачнее с каждым днем, на море часто штормы. Я так люблю северную осень и так рад, что начало ее еще застану на севере. Не понятно Вам все это, к сожалению. Вот и стихи мои в «Числах»⁹ Вам не нравятся, а,

между тем, это одни из лучших моих стихов последнего времени. А мне кажется, непонимание Вами природы, неумение проникнуться ею у Вас происходит оттого, что Вы бывали в ней не в той среде, в какой было бы нужно. Не может быть, чтобы в Вас не жило к ней предрасположения. Это дремлет в каждом человеке. Нужно уметь только пробудить. А для этого необходима соответственная обстановка, чувствования, — мало ли еще что.

Целую ручки Ваши, любящие перелистывать иногда томики стихов, нежно думаю о Вас, от всего сердца поэта желаю Вам радости и блага, почти болезненно хочу порой видеть Вас — существующую и мечтанную, угадываемую, но и «городскую», т. е. такую, какая Вы сейчас, со всеми Вашими срывами, болезненными изломами, как Вы сами говорите, столь близкими мне, «здоровому»!..

Ваш Игорь.

P. S. Искренний привет от Фелиссы Михайл.

¹ См. прим. 10 к письму 6.

² Возможно, имеется в виду русское певческое общество «Баян» в Риге.

³ Храм Христа Спасителя в Москве был разрушен 5 декабря 1931 года. Сообщения в печати о намерении появились уже летом того же года (см.: *Хан-Магомедов С. К.* К истории выбора места для Дворца Советов // Архитектура и строительство Москвы. 1988. № 1. С. 21—23; *Эйгель И.* К истории построения и сноса Храма Христа Спасителя // Там же. 1988. № 7. С. 30—33).

⁴ О ком идет речь, выяснить не удалось. Ср. в письме к А. Д. Барановой от 5 сентября 1931 года: «Дня через два приедет один поляк из Варшавы» (*Игорь Северянин.* Письма к Августе Барановой. С. 71).

⁵ Журнал «Числа» издавался в Париже в 1930—1934 годах, «Современные записки» — там же в 1920—1940 годах.

⁶ К этому периоду в серии «Русская библиотека» (Белград) вышли следующие издания перечисленных авторов: *Курпин А. И.* Елань (1929), Колесо времени: Роман. Рассказы (1930); *Шмелев И. С.* Вьезд в Париж (1929), Родное: Из потерянной рукописи (1931); *Бунин И. А.* Грамматика любви (1929); *Мережковский Д. С.* Наполеон. Т. 1—2 (1929); Тайна Запада. Атлантида-Европа (1931); Иисус неизвестный. Т. 1—2 (6. г.); *Гиппиус З. Н.* Синяя книга: Петербургский дневник 1914—1917 (1929); *Лазаревский Б. А.* Лиза: Рассказы (1930); *Зайцев Б. К.* Избранные рассказы. 1904—1927 (1929).

⁷ О «Синей книге» З. Н. Гиппиус см. в предисловии к данной публикации.

⁸ *Тэффи Н.* Книга-июнь: Рассказы. Белград, 1931. (Русская библиотека). Ср. в письме к И. К. Борман от 5 марта 1932 года: «Лучшей книгой эмиграции остается по-прежнему вышедшая в свет летом в Белграде „Книга (?)“ Тэффи, где она уже не только юморист, но и тончайший, о р и г и н а л ь - н ы й ш и й лирик» (Письма Игоря Северянина Ирине Борман; автор публикации Г. Григорянц, очевидно, не смог прочесть заглавие книги. — Л. И.).

⁹ См. прим. 12 к письму 6.

Toila, 24.IX.1931 г.

Светлая София Ивановна, благодарю Вас за адрес Стародуба¹, но пока я ничего, к сожал., не могу ему написать, т. к. почему-то Рубинштейн² молчит, молчит необъяснимо, — чего с ним раньше не случилось, — и я не знаю, поедем ли мы на Париж. Из Берлина вести неутешительные, но я не очень-то и рассчитывал на него. Во всяком случае, одно Вам скажу: так хочется повидаться с Вами, что я согласен ничего на Брюсселе не «взять», лишь бы окупилась расходы по дороге и отъезду. Так вот, если Вы встретите Стародуба или секретаря Союза, м. б., Вас не затруднит дать им понять, что я хотел бы минимальную гарантию в размере 1500 франц. франков (себе-стоимость дорожного крюка). Раньше 15 окт. мы отсюда не выедем. Остановки будут в Ревеле, Юрьеве, Риге, Ковно и Берлине (на один день), следов., в Брюсселе могли бы быть около 25—30 окт. Вчера получил письмо от режиссера Госуд. оперы в Белграде — Ю. Л. Ракитина³. Предлагает прочесть в Союзе писат. лекцию о Сологубе⁴. Так что теперь имею в Белграде лекцию и два концерта. В случае неудачи в Брюсселе, поедем из Риги на Варшаву, Вену, Люблян в Белград. Но это было бы крайне досадно, нельзя простить себе этого — не побывать в Бельгии, не повидаться с Вами. Сегодня посылаю Вам только что вышедшую книгу⁵.

Целую Ваши ручки. Фелисса Мих. шлет Вам свой привет.

Неизменно Ваш

Игорь.

¹ О ком идет речь, выяснить не удалось.

² См. прим. 9 к письму 6.

³ Ракитин (наст. фам. Ионин) Юрий Львович (1882—1952) — актер, режиссер Александринского театра, литератор. После Октябрьской революции оказался в Константинополе, в 1920 году переехал в Белград, где позднее у него бывал и останавливался Северянин. Служил режиссером Сербского Народного театра в Новом Саде (под Белградом), писал пьесы для русских эмигрантских трупп в Югославии. Будучи знаком с Гумилевым, Блоком, писал статьи об их творчестве, с последним состоял в переписке (см.: Александр Блок. Переписка: Аннотированный каталог. Вып. 2. Письма к А. Блоку. М., 1979. С. 381). Был активным деятелем эмигрантских литературных кругов, явился одним из создателей Союза русских писателей и журналистов в Югославии (1925—1935). О Ю. Л. Ракитине см.: Бурић О. Руска литерарна Србија. 1920—1941. Писци, кружоци и издања. Белград. 1990. По указателю; о Союзе писателей (в том числе о выступлениях Северянина): там же. С. 144—160.

⁴ См. прим. 7 к письму 6.

⁵ См. прим. 9 к письму 3.

Toila, 13.X.31 г.

Дорогая София Ивановна! Посылаю Вам вид с моря на наш берег. Видите, как мы высоко забрались! Жаль покидать такую прелесть, но ничего не поделаешь: 20 окт. мы уезжаем. Сообщаю адрес, где будем около 8—15 ноября: M<onsi>eur J. Rakitin.¹ Rimska, 13. Belgrade. Yougoslavie. М. б., пришлете туда несколько слов,— буду очень им рад. Я рад чрезвычайно, что книга Вам по вкусу². В Белграде еще две готовятся, да теперь везу с собою две³. Все 1922—31 гг. Конечно, напишу Вам с пути. «Итак, мы начинаем!..» И Фелисса Мих., и я сердечно Вас приветствуем.

Ваш Игорь.

¹ См. прим. 3 к письму 8.

² См. прим. 9 к письму 3.

³ Помимо «Классических роз» в Белграде была издана книга Северянина «Медальоны» (1934) (см. прим. 7 к письму 23).

10

Варшава, 3.XI.1931 г.

Дорогая София Ивановна, мы выехали из Тоила, как и предполагали, 20.X, три дня провели в Ревеле, три в Юрьеве, два в Риге, и вот уже пятый день в Варшаве. Сегодня даю здесь вечер, и завтра днем уезжаем в Югославию. Первый вечер в ней состоится 6.XI в Мариборе, второй 8.XI — в Любляне (Лайбах). Оттуда едем в Белград, где буду ждать Вашей весточки. В Риге побывали на «Тангейзере»¹. Очень хороший и большой оркестр (72 чел.). Певцы удовлетворительны, но герой оперы — ужасен. Некто Берзинь². Так толст, что стоять не может,— все присаживается. Вчера были в Литер. Содруж.³ по приглашению. Молодежь читала себя. Ежедневно видимся с Е. И. Арцыбашевой, вдовой Мих. Петр.⁴, и супругами Бельмонт⁵. Он — известный адвокат, поэт, лектор и переводчик «Онегина». Знакомы с ними с 1924 г. Фелисса М. и я шлем Вам искренние приветы. Целую Ваши ручки.

Всегда с Вами

Игорь.

¹ Опера Р. Вагнера «Тангейзер» была поставлена в Риге, в Латвийской национальной опере (ныне Латвийский театр оперы и балета).

² Берзинь (Берзиньш) Рудольф Янович (1881—1949), певец (тенор), общественный деятель. В 1908—1919 годах жил в эмиграции, в 1919—1928 — солист Латвийской национальной оперы.

³ Скорее всего, речь идет о Содружестве польских литераторов и журналистов, основанном в Варшаве в 1906 году (сообщено С. И. Николаевым).

⁴ Писатель Михаил Петрович Арцыбашев (1878—1927) и его жена, Елена Ивановна Арцыбашева (рожд. Княжевич), актриса театра Незлобина, эмигрировав в 1923 году, поселились в Варшаве. Там же, вместе с Д. В. Философовым, Арцыбашев издавал антисоветски направленную газету «За свободу!», в которой, избегая не свойственной ему политической тематики, в 1920-е—начале 1930-х годов сотрудничал Северянин. После смерти М. П. Арцыбашева, в начале 1930-х годов Е. И. Арцыбашева переехала в Бухарест, где с ней также встречался Северянин (см. письмо 22). См. также сонет Северянина «Арцыбашев» (За свободу! [Варшава]. 1927. № 103. 7 мая. С. 3).

⁵ Бельмонт Лео (Бляументаль Леопольд; 1865—1941), польский адвокат, общественный деятель и поэт, открывший «новую эпоху в истории польских переводов русской поэзии», «впервые в 1902 году опубликовавший на польском языке „Евгения Онегина“» (*Поляк С. Русская поэзия в польских переводах // Вопросы литературы. 1964. № 11. С. 191*). Восторг перед разносторонностью своего приятеля Северянин выразил в стихотворении «Бриндизи Лео Бельмону (Литературный обед в варшавском «Эрмитаже» 6 окт. 1924 г.)» (публикация по рукописи: *Игорь Северянин. Классические розы. Медальоны. М.: Худож. литература. 1991. Серия «Забытая книга». С. 209—210*). В письме к Г. А. Шенгели от 10 марта 1928 года Северянин, рассказывая о недавней поездке в Польшу, писал: «В Варшаве мы пробыли ровно три недели, гостя у одного весьма популярного в Польше адвоката — поэта, переводчика „Евгения Онегина“ (целиком, конечно)» (*Игорь Северянин. Стихотворения и поэмы. 1918—1941. М., 1990. С. 404*). К этому же периоду относится стихотворение Северянина «Я — млечного пути сиянье... (Из Лео Бельмонта)» // *Сегодня. [Рига]. 1928. № 55. 26 февр. С. 4. Литературу о Л. Бельмонте см.: Польская художественная литература в русской и советской печати: Библиографический указатель. Warszawa, 1982. Т. 1. С. 125—127.*

11

София. 18.XI.1931 г.

Дорогая София Ивановна, шестой день мы здесь. 20-го даю вечер¹. После Варшавы побывали в Мариборе, Птуе, Любляне и Белграде. В этом году путь меня сильно утомляет, и общее самочувствие не из приятных: слишком напряженная деятельность. Горек удел — ездить, не желая ездить. Шумы города почти уже невыносимы. Я чувствую, как я теряю здоровье окончательно. На мне все заботы по передвижению, визированию пасп., назначению чисел, а это самое ужасное, т. к. не назначив заранее — теряешь массу денег на прожитье, а назначив — не можешь повторить вечер, в случае успеха, в том же городе. В

результате — опять потеря. Ежедневная, еженощная мечта — домик на севере, лес, море. А главное — тишина. Тишина наша благословенная, святая, чистая! Целую Ваши ручки. Ф. М. шлет привет.

Ваш Игорь.

¹ Министерство народного просвещения Болгарии выделило Северянину безвозмездно 5000 левов для организации и проведения «поэзовечеров» в Софии и других городах. «20 в половине девятого вечера состоялся первый „вечер поэзии“ („позоконцерт“) в салоне „Славянская беседа“ на улице Славянской в доме номер шесть» (*Йорданов Хр.* Игорь Северянин в Болгарии // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. В 2-х т. Л.: Наука. 1977. Т. 2. С. 148.

12

Toila, 8 января 1932 г.

Дорогая София Ивановна! Ваше письмо на Белград я получил 20.XII, в день своего из Софии возвращения,— благодарю Вас. Мы провели в Болгарии пять недель. Я дал по два концерта в Софии, Пловдиве и Плевне, по одному в Стара Загора, Казанлык, Сливене и Тырново. 27-го дал концерт в Белграде, а 28-го вечером мы выехали прямо домой, куда и приехали первого в 10 ч. веч. 22-ое декабря провели в Сараево у одной милой русской женщины¹, с которой познакомились в прошлом году, а 23—25-ое в Дубровнике у своих друзей Сливинских², арендующих прелестную виллу с окнами на Адриатику. Странное было Рождество: 22 градуса тепла, все гуляли без пальто, цвели всюду розы, мимозы, глицинии, зрели мандарины и апельсины...³ И вот такая резкая сразу перемена: морозы, снега, вьюги. И это так пленительно. Усталость очень большая: семь ночей мы почти не спали, т. к. ночь в Белграде в счет идти не может: концерт затянулся, после него 16 человек устроили ужин в «Трех шеширах»⁴, и ужин этот окончился только в 4 ч. у., а в 8 мы были уже на ногах.

Я спешу написать Вам — приветствовать Вас и поздравить с прошедшими праздниками Р. Х. и Новым Годом. Я очень доволен своей поездкой, которая, несмотря на кризис, оказалась, благодарение Богу, довольно удачной. Когда немного приду в себя, напишу Вам побольше. Вы же, не ожидая, напишите мне теперь же,— я так люблю Ваши строчки.

Целую ручки Ваши.

Неизменно с Вами

Игорь.

¹ На следующий день, 9 января, Северянин писал И. К. Борман: «По-бывали и в Сараево у милейшей из милых, Валентины Васил. Берниковой, которую я 11 месяцев не видел и уж очень захотел видеть: не поленился для этой цели 16 часов просидеть в купе, натоппленном, как баня...» (Письма Игоря Северянина Ирине Борман (Из архива М. Харизи) / Публ. Г. Григорянца // Молодежь Грузии. 1989. 14 окт.). Речь идет о Валентине Васильевне Берниковой (рожд. Скворцова; 1902—1983). Родилась в Киеве, окончила петербургскую гимназию, затем училась в Париже и Сорбонне, став преподавателем французского языка. С 1929 года В. В. Берникова жила с мужем в Югославии, в Сараево, где в январе 1931 года на одном из поэтических вечеров Северянина состоялось их знакомство. Встречались они и во время последующих пребываний Северянина с Ф. М. Круут в Югославии: летом 1932 и 1933 годов. При содействии Северянина в Нарве в 1934 году был издан сборник Берниковой «Хрупкии цветы», открывающийся его стихотворением «Вместо предисловия» (1933). Ей посвящен цикл из 11 стихотворений, написанных Северяниным в замке Хростовец в 1933 году (см.: *Плюханов Б. В.* «Валентине Берниковой — Игорь Северянин» // Таллинн. 1988. № 1. С. 110—114). Четыре стихотворения из цикла опубликованы также М. А. Дудиным в журнале «Нева» (1987. № 5. С. 184—185). В 1957 году В. В. Берникова вернулась в СССР, до конца дней жила в Риге, откуда после ее кончины, по ее завещанию, в Пушкинский Дом была передана тетрадошка с посвященным ей циклом и другими стихотворениями Северянина и групповая фотография: Северянин с женой и Берникова с мужем в замке Хростовец в 1933 году (см.: ИРАИ. Р. 1. Оп. 25. № 466, 467).

² Сливинский Александр Владимирович, полковник Генерального штаба, и его жена Мария Андреевна, узнав из газет в январе 1931 года о прибытии Северянина на Адриатику, встретили поэта с женой на вокзале и пригласили остановиться на их загородной вилле «Флора мира» (см. об этом в рассказе «Гроза в Герцеговине» // Юность. 1987. № 4. С. 90—92). Звучным названием виллы подписан ряд стихотворений Северянина, созданных на Адриатике. В библиотеке Северянина (Тарту, Гос. литературный музей им. Ф. Крейцвальда) сохранилась книга А. В. Сливинского «Конный бой 10-й кавалерийской дивизии генерала графа Келлера 8/21 авг. 1914 г. у д. Ярославце». Сербия, 1921, с надписью: «Милому Игорю В. Северянину — великому русскому поэту на память о днях, проведенных вместе в Дубровнике. 24.I.31. А. Сливинский». В эту же зиму у Сливинских гостил бывший член Государственной Думы Василий Витальевич Шульгин (1878—1976) — «обаятельный собеседник» («Гроза в Герцеговине», с. 91), «спутник наших адриатических блужданий и просветитель по части красавиц из Конавли...» (Письма Игоря Северянина Ирине Борман). См. также письма Шульгина Северянину 1924—1933 годов в Гос. литературном музее им. Ф. Крейцвальда АН Эстонии (Тарту, F.216 М 2:8, М 4:8), воспоминания его 1950—1952 годов (РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 4. Ед. хр. 53), где воспроизводится по памяти сонет Северянина «В. В. Шульгин» (опубликован в статье Д. Жукова «Ключи к „Трем столицам“» — *Шульгин В. В.* Три столицы. М. 1991. С. 398). Оригинальный текст сонета, написанного в Кишиневе 18 февраля 1934 года, см.: «Новый журнал». 1993. № 2. С. 82. Фрагменты воспоминаний Шульгина о Северянине приведены в статье М. Петрова «Рад каждому, кто рад мне...» (Труд. 1989. 16 июля).

³ См. стихотворение Северянина «Рождество на Ядране» в сборнике «Адриатика» (Нарва, 1932).

⁴ «Три шешира» — популярный среди интеллигенции ресторан в Белграде. В архиве Северянина находится открытка с изображением ресторана, на обороте которой — зарисовка стола с обозначением мест, где сидели Северянин и Ф. М. Круут, а также десять подписей (очевидно, участников ужина) (Тарту, Гос. литературный музей им. Ф. Крейцвальда. F. 216. I. Severjanin. М. 4: 9. L. 2).

Toila, 27.I.1932 г.

Дорогая София Ивановна,

Ваше письмо меня огорчило и встревожило: ради Бога, не зовите смерть! Поверьте, что все войдет в колею, и Вы еще узнаете радостные, взволнованные и волнующие дни. Теперь уже все вскоре должно выясниться: или гибель цивилизации, или же возрождение. Середины, по всей вероятности, не будет: эта «середина»-то и губит, и томит. Середина — это наше время, вот эти самые годы и месяцы. Так больше продолжаться не может: взрыв близок. Губительный или спасительный — покажет ближайшее будущее. Конечно, мне так понятна Ваша угнетенность. Конечно, я всей душой Вам сочувствую и понимаю Вас. Но потерпите все же, не делайте опрометчивых шагов. Разве же Вы сами не чувствуете близости надвигающегося? Нельзя не чувствовать...

Что касается меня, я в каком-то странном настроении, надо думать — временном, связанном с переходным периодом: не нахожу в себе достаточно оправдания своим трудам... все так проходяще, шатко, условно. Много тем и даже, если хотите, настроения, но я умышленно гашу в себе желание работать, и... не работаю... Все жду чего-то, сдается. Писал в июле. Затем до Рождества ни строчки. На Рождестве в Дубровнике не утерпел — набросал три стихотворения¹. В январе ни строчки. Опять. Однако, меня это почти не тревожит: настанут хорошие дни — поработаем, не настанут — и не надо, значит, было. Никому и ничего не надо. Что же, отдохнем пока. Пока есть вера в это «пока»...

Вы в письме в Белград сказали, спросили, вернее, неужели меня не тянет иногда в большие центры, неужели я не бываю иногда захвачен их темпом? Иногда, действительно, тянет, но, я сказал бы, не в города, а в иную природу, но на очень короткое время. Такой город, как Дубровник, — всегда приятен — Адриатика, климат, малочисленность жителей прельстительны. Да и то не всегда — опять-таки иногда, зимою, глубокою осенью. Проехаться, пожить месяц-другой, поработать там и... обратно. К себе на север. В бедную, убогую избушку у бедного, серенького моря. Странно Вам? Но это так. Ах, разнообразны люди...

Про Мадлену² Вы спрашиваете. Ей теперь 50 лет. Она в Югославии. В южной Сербии, около Скопье. Живет с сыном-инженером. Женатым. Павел Леонидович... Смешно мне: помните в «Златолире»? «Песенка-весенка»?

«Поймать стараясь Павлика,
Шалун бежит к лесам...»

Я видел этого Павлика карапузом. Он теперь инженер... В прошлом году, в Белграде, по поручению Маддэны, нас отыскала невеста Павлика. Скромная. Из хорошей семьи девушка. Миленькая. Представилась. Посидела. Передала привет от нее... Пришла на концерт. Принесла фотографии. В пачке их была и она. Теперешняя. А Маддэна, узнав из газет о моем вечере, прислала на зал Университета письмо. Мне подали его в антракте: приветствует приезд. Гордится. Радуетя. С мужем разошлась. Уже не первый раз это. Возобновилась переписка. В июле оборвалась как-то: слишком мы разные люди. Мучила она меня годы. Все целомудрие свое оберегала. Бранила мужа всячески в письмах ко мне. Бранила и... никак не могла расстаться. Началось наше знакомство в 1911 г. летом в «Дылицах». Это дачная местность между Гатчиной и Ямбургом. Часа 3 езды от Петербурга. Самая обыкновенная заурядная обывательница. Очень красивая. Из хорошей семьи. Взбалмошная. С навязчивыми идеями. Скверный характер. Неуживчивая. Нытик. Холодная. Не очень нежная. Нежности вообще не было. Практичная. Рассудочная. Нужно было быть поэтом, чтобы заинтересоваться ею. Создать ее... Давно ничего не осталось... от ничего!.. Иначе и быть не могло, впрочем.

27го дек. 1931 г. я дал вечер в Белграде. После концерта пошли ужинать в «Три шешира». Собралось много друзей. Прошлогодних. Белградских. Было человек 15. Среди них новый один — инженер Арефьев³. Разговорились. Служит на том же руднике, где и «Павел Леонидович»... Спросил у нового знакомца: «А Вы мать его знаете?» — «Нет, не знаком, но видел у него однажды какую-то старушку»... Боже, София Ивановна! Маддэна — какая-то старушка!.. Ведь безразлично мне это все, глубоко безразлично, но эта «старушка!» Этот пренебрежительный тон!.. Как я постарел, однако, оказывается!

Виноват я перед Вами, дорогая: все никак не мог удосужиться сняться для Вас. И многие меня просили. Дважды были в Риге — и туда, и обратно. Но Финка не видела⁴. В первый раз не было приема, на обратном пути были поздним вечером и пробыли в Риге всего 3 часа. Но вот подождите уж недолго: снимусь в городке Иеве и вышлю. Главное — я помню. А если помню — исполню. И в Софии можно было сняться, да настроенья на это не было. А как просили болгаре! Нет, не пошел, дала им Фелисса Мих. старую карточку для переснимка. А потом приходили в отэль фотографы, снимали, помещали в газетах и... пропадали куда-то. Впрочем, все это плохие снимки.

София Ивановна, мучает меня, что тяжело Вам. Помочь хотелось бы. Очень, верьте, хотелось бы. Вы теперь без работы. В Россию ехать, конечно, дико без мужа и без сына. Но вот что я придумал: к нам приезжайте. Отдохнуть. На всю весну и все лето. Недорого это. У нас очень-очень скромно, но с голода, Бог даст, не умрем. Будет у Вас светлая комната, будет море, будут стихи. И все наше внимание, и желание скрасить будни горестные будет с Вами. Приезжайте. Мы с Фелиссой Михайловной будем рады Вам. Да и А. Г. отдохнет несколько от мысли, что Вы тщетно ищете службу. Думается, ему легче будет, если Вы будете некоторое время безоблачны.

Я целую Ваши ручки. Я хочу Вас видеть. А стихи: «Мадлена здесь, Мадлена рядом...» — слабые стихи⁵. Мне не хочется их переписывать. Впрочем, если Вы очень хотите, я, конечно, могу это сделать. Дайте знак.

Всегда с Вами.

Игорь.

¹ Несколько стихотворений, вошедших позднее в сборник «Адриатика» (Нарва, 1932), датированы январем 1931 года, в том числе «Рождество на Ядране», с подписью: «Ночь под Рождество 1931 г.».

² Скорее всего, Мадлена (Мадлен) (род. 1882?) — вымышленное имя, красивый «псевдоним», придуманный для возлюбленной молодым Северяниным, наподобие «Златы», «Балькис», «Тию» и т. д. Ср. «Полусонет» (1909): «Под стрекотанье ярких мандолин / Цвела мечта, моя фата-моргана. / Балькис, Мадлен, Мирелла, Вандалин / Проплыли в даль — как бархат струн органа» и т. д. (*Игорь Северянин*. Поэзсантракт. М.: Северные дни. 1915. С. 37). Первое стихотворение с обращением к Мадлене — «В березовом коттедже» (1911): «<...> Вы грезите, Мадлена, / Со страусовым веером в руке» (*Игорь Северянин*. Громокипящий кубок. С. 11). О том, что знакомство состоялось именно в 1911 году, свидетельствуют и строки «Поэзы для Мадлены» (1915): «Когда назад четыре года / Ее я встретил в первый раз...» (*Игорь Северянин*. Тост безответный. Поэзы. Том IV. М., 1916. С. 58). Стихотворение 1912 года «В очарованьи», написанное в Дылицах, согласно авторской (?) атрибуции в экземпляре «Громокипящего кубка», принадлежавшего С. И. Карузо, — также обращено к Мадлене. Таким же образом (авторской пометой) атрибутирована «Песенка-весенка» (1912) в сборнике: Златолира. Поэзы. Книга вторая. Изд. 2. М.: Гриф, 1914. С. 23—24). Отсюда и цитируемое в письме двусгишие. В строке «Поймать стараясь зяблика» последнее слово зачеркнуто и карандашом приписано: «Павлика» (как и в приведенной в письме цитате). О Павлике см. в стихотворении «В березовом коттедже»: «Ваш хрупкий сын одиннадцати лет» и т. д.

Помимо пространного рассказа в данном письме, единственное упоминание о Мадлене — в письме к А. Д. Барановой от 12 июня 1922 года: «Переписываюсь только с Мадлен, Златой ...» (*Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. С. 29).

³ Среди подписавших открытку с изображением ресторана «Три шешира» есть и Сергей Арефьев (см. прим. 4 к письму 12).

⁴ См. прим. 8 к письму 3.

⁵ Северянин приводит первую строку стихотворения «Поэза для Мадлены».

Toila, 1.III.1932 г.

Светлая София Ивановна,

для меня так отрадно, что Вы даже в тяжелую эпоху своей жизни не позабываете искусства и, по мере возможности, стремитесь в театр, на концерты и, видимо, много читаете. Это положительная редкость в наше время, и разрешите мне выразить Вам свое взволнованное Вами восхищение. Меня просто трогает Ваша жизнерадостность, такая молодая и красивая. Как, впрочем, и Вы сами. Compliment не из особо удачных, надо признаться, зато от всего сердца. В Париже мы с Фел. Мих. слушали «Бориса» в Русской опере, с Юрениным в заглавной роли. Громадный театр Елис. Полей был совершенно пуст. Пела Садовень, Поземковский¹ и др. Постановка была очень недурна, а на хор мы тогда же обратили внимание. Говорили, что через несколько дней «Борис» шел с Шаляпиным², и зал был переполнен. Следов., публика оперная ходит не на композитора, а на «голос»... В Риге мы как-то слышали «Сказки Гофмана», «Садко», «Пиковую даму» и «Тангейзера». Второй оперой управлял тогда еще Э. Купер³. Оркестр в 70 человек. Голоса не из важных, но, вообще, все очень прилично. В Белграде были на «Долине» и на «Кармен» с Амандой Ребанэ⁴. Тоже неплохо. Ребанэ, между прочим, лет десять назад выступала в Ревеле на одном из моих вечеров. Сама она эстонка. Играет под Марию Гай⁵. Голос хороший. Было приятно. В Софии мы были на «Лючие», «Онегине», «Аиде», «Богеме», «Фаусте» и «Шванде» чешского композитора Ярослава Вайнбергера. Вещь неровная, подвлиянная, местами недурно, местами оперетка. Лучше других поставлена «Аида», но и остальные оперы оставили отрадное впечатление, кроме «Фауста», которого, впрочем, всегда терпеть не мог, как и «Ромео и Джульетты», как, вообще, Гуно. В Варшаве нам удалось прослушать «М-ме Беттерфлей» с японкой Фуэнтес (очаровательна, проста, правдива), «Валькирию» и ту же «Лючию»⁶. Постановка прекрасная, голоса, как всюду, посредственные. Безголосица повсеместная!.. Вот что значит время!.. В Берлине восхищались Липковской⁷ в «Травиате». Вот и весь наш оперный послевоенный стаж. А в «своей» эстонской в Ревеле так и не побывали за 14 лет ни разу, стыдно сознаться!..

В середине февраля мы с Ф.М. ездили в Ревель и Нарву, куда были приглашены обществ. организациями для выступления в концертах⁸. Я очень люблю читать в Белом зале «Эстония» — большом, светлом, торжественном, с идеальной акустикой.

Д. Смирнов⁹, напр., говорил мне, что считает этот зал вторым по акустике в мире: первый, по его словам, в Сиднее. Кроме меня, в Ревеле выступал большой хор русск. о-ва. Встречали меня более чем восторженно. Публики было около 1200 человек. В заключение хор спел мне «Славу». В Нарве было 250 человек, преимущественно эстонцев, т. к. русская колония хотя там и многочисленна, но мало интеллигентна.

После вечера состоялся бал с выборами «королевы бала». Я был избран в жюри, и мне даже пришлось «короновать» одну нарвскую обывательницу, впрочем, очень славную и хорошенькую барышню... Ну, вот и все наши новости. А что у Вас? Все ли еще так безнадежно? Мы очень и очень грустим, что не приедете к нам. Но ведь Вам нужны были бы деньги и сключительно на дорогу... А жизнь здесь так дешева, что об остальном и говорить бы не стоило. Меня очень рассмешил «рассказ» Лилиенфельда!¹⁰ Дом, который был на снимке, построен в 1900 годах петерб. купцом Г. Г. Елисеевым, живущем теперь в Париже. Он до сих пор единственный владелец этого «Орро»¹¹. Самозванство — одна из болезней эмиграции...

Читать здесь нечего стало, и это скверно. Классики почти все перечитаны, а нового не очень-то густо. Начал было «Атлантиду-Европу» Мережковского, но от тоски и серьезности чуть не погиб... Нет, уж я предпочитаю «Атлантиду» Пьера Бенуа!¹² Между прочим, какая обворожительная книга! И пусть его «знатоки» считают вне литературы, вроде какого-нибудь нашего Брешковского¹³, я восхищаюсь наличием истой поэзии и очарования в его, — этой именно, книге. Что скажете Вы?

Ваши милые ручки целую. Привет от Ф. М. и меня Вам, А. Г. и Игорю.

Ваш Игорь.

¹ Поземковский Георгий Михайлович (1890—1958), артист оперы, оперетты, камерный певец. По окончании Петербургской консерватории пел в Мариинском театре, оперетте. Уехал в 1919 году за границу, в 1920—1930-е годы — солист «Русской оперы» в Париже, где в качестве его партнерши выступала и Е. Садовень.

² В том же номере «Последних новостей» (Париж. 1931. 22 февраля. № 3623), где помещен портрет Северянина с надписью: «К предстоящему вечеру его стихов 27 февраля в зале Шопена» — напечатано объявление о том, что 23 февраля в Театре Елисейских Полей «Русская опера» будет идти «Борис Годунов» с Ф. И. Шалыпиным.

³ Северянин перечисляет постановки опер: «Сказки Гофмана» Ж. Оффенбаха, «Садко» Н. А. Римского-Корсакова, «Пиковая дама» П. И. Чайковского и «Тангейзер» Р. Вагнера в Латвийском театре оперы и балета (Рига). В 1924—1926 годах главным дирижером театра был Эмиль Альбертович Купер (1877—1960), уехавший затем во Францию; с 1928 года жил в Америке.

4 Латышская певица (меццо-сопрано) Аманда Ребанэ (Либерто-Ребане; род. 1893) в 1925—1944 годах пела в Латвийском театре оперы и балета; с 1929 года гастролировала за рубежом, в том числе в Белграде, где Северянин слышал ее в опере Ж. Бизе «Кармен». В 1944 году А. Ребане эмигрировала, с 1949 жила в США.

5 Гай Мария (1879—1943) — испанская певица меццо-сопрано, прославилась исполнением партии Кармен. С 1908 года гастролировала в Европе, а также в России, в Петербурге, где ее впервые услышал Северянин (см.: *Игорь Северянин. Мое первое стихотворение // Игорь Северянин. Сочинения.* Таллинн. 1990. С. 375). В 1927 году М. Гай оставила сцену.

6 Северянин перечисляет оперы: «Лючия ди Ламермур» Г. Доницетти, «Евгений Онегин» П. И. Чайковского, «Аида» и «Травиата» Дж. Верди, «Богема» и «Мадам Баттерфляй» («Чио-Чио-сан») Д. Пуччини, «Фауст» и «Ромео и Джульетта» Ш. Гуно, «Швандя» Я. Вайнбергера и «Валькирия» Р. Вагнера.

7 Липковская Лидия Яковлевна (1884—1953) — оперная певица (колоратурное сопрано), в начале творческого пути (1906—1908) — солистка Мариинского театра, где ее впервые услышал юный Северянин (см.: *Игорь Северянин. Мое первое стихотворение.* С. 375), а в дальнейшем посвятил ей несколько стихотворений. «<...> Вас стихами / Я пел четырежды, и впредь всегда готов...» — писал он в сонете «Лидии Липковской» в 1924 году (*Игорь Северянин. Классические розы.* С. 24). Их знакомство состоялось предположительно в 1909 году: ноябрем этого года датирован «Сонет» («Мы познакомились с ней в опере...» — Громокипящий кубок. Изд. 4. С. 71). Липковской адресовано также стихотворение Северянина «Тебе, моя красавица!» (1910; с посвящением: «Ариадниной мамочке»). С 1919 года Липковская жила за границей, преимущественно во Франции, гастролировала в странах Европы, Америки, в СССР. Будучи родом из Бессарабии, певица регулярно приезжала в Кишинев, где остались ее родные (в 1918—1940 годах Кишинев в составе Бессарабии принадлежал Румынии). Гастрольные маршруты Липковской и Северянина в 20-е—30-е годы нередко пересекались (см. следующие письма). Подробнее о Липковской см. в книге: *Арабаджиу Р.* Судьба примадонны. Воспоминания и документы о жизни и творчестве Л. Я. Липковской. Кишинев, 1989.

8 16 февраля 1932 года в Ревеле Северянин принимал участие в концерте Русского мужского хора, состоявшемся в концертном зале «Эстония»: «<...> Игорь Северянин, прочитавший несколько своих прекрасных, глубоких по содержанию стихотворений <...> имел громадный успех, читал на бис, но публика все снова требовала добавлений» (Вести дня. [Ревель]. 1932. № 41, 18 февр.). 17 февраля Северянин участвовал в международном литературно-музыкальном вечере в эстонском общественном собрании города Нарвы «Ильмарина» (см.: *Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой.* С. 74—75, 138—139).

9 Смирнов Дмитрий Алексеевич (1882—1944) — знаменитый оперный певец (лирический тенор), в 1906—1910-е годы солист Большого, затем Мариинского театров. С 1920 года жил и гастролировал за границей, где встречался с Северяниным. Выступал и в СССР, куда вернулся в 1940 году, жил в Риге. См. также письмо 25.

10 О ком идет речь, установить не удалось.

11 Очевидно, речь идет о посланной С. И. Карузо фотографии Северянина на террасе бывшего дворца Г. Г. Елисеева в Тойла-Ору (часть Тойлы), построенного в 1897—1898 годах и разрушенного во время второй мировой войны. Известны две групповые фотографии Северянина на этой террасе: недатированная, с В. Адамсом и Ф. М. Круут (Игорю Северянин-

ну 100. С. 44) и снятая 14 июля 1926 года — с А. И. Формакowym. Воспроизведения второго снимка публикуются без даты, с подписью: «С неизвестным» (Юность. 1987. № 4. С. 93) или с приблизительной датировкой: «20-е годы» и с предположением, что рядом с Северяниным снят эстонский поэт Аугуст Гайлит (*Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. Между с. 80—81).

Атрибутировать снимок помог альбом оригинальных фотографий, выполненных в 1926 году учителем и поэтом из Двинска (Даугавпилс) Арсением Ивановичем Формакowym (1900—1983), знакомым Северянина с начала 1920-х годов до середины 1930-х годов. В альбоме запечатлена семья Северянина, пейзажи Тойлы, окрестные озера, реки, дворец Елисеева, Пюхтицкий монастырь и т. п. В 1968 году А. И. Формакow передал в Пушкинский Дом альбом и мемуарный очерк «Северяныч» (Р. I. Оп. 25. Ед. хр. 392, 393). Один из портретов Северянина надписан, очевидно, в одну из последующих встреч: «Арсению Формакowу — Рыцарю *Чуткости* — Игорь Северянин. Eesti. Orto-Toila. 1926» (Р. I. Оп. 25. Ед. хр. 392. Л. 1). Воспоминания с измененным заглавием — «Встречи с Игорем Северяниным» — и сокращениями опубликованы: Звезда. 1969. № 3. С. 173—181.

12 О книге Д. С. Мережковского «Тайна Запада. Атлантида-Европа» (Белград, 1931) см. в предисловии к данной публикации. Авантюрный роман французского писателя Пьера Бенуа (1886—1962) «Атлантида» ([Пг.], 1922), имевший сходство с книгой Мережковского лишь в названии, сохранился в личной библиотеке Северянина. Роман принес автору поначалу скандальную известность (обвинение в плагиате), а затем — Большую премию Французской Академии (1919).

13 Брешко-Брешковский Николай Николаевич (1874—1943), автор романов, которые принято называть «бульварными».

15

Toila, 6.IV.1932 г.

Светлая София Ивановна,

только на днях уехали от нас гости из Ревеля — художник А. Д. Кайгородов, сын проф. Петерб. Лесного института, с женой¹. Они провели у нас все Праздники, много гуляли, он набросал несколько этюдов, вечерами читали Брюсова, Сологуба, Столицу², Шагинян и др., и вот теперь я спешу написать Вам, говорю — спешу, т. к. весна не идет, а бежит к нам, снег почти весь сошел с полей, речка вздулась, и, того и гляди, лед пойдет, а, если так, начнется весенняя ловля лососок, и, значит, целые дни буду у воды.

...Вы готовы ехать в С.С.С.Р. Да, все это можно понять, допустить. Конечно, Вам особо тревожиться нечего. Но ведь нельзя же,— и другого слова нет,— расстаться с ними. Это значит — никогда — никогда! — с ними на этом свете не увидеться. А

этого нельзя, на это Вы не способны, и не надо быть способным. Вопрос разрешается, следов., просто: Вы не поедете. И выписывать их оттуда, хлопоча за них, нельзя: это уж для них рискованно.

А жить в Европе все же нужно. Вы так утомлены теперь, издерганы этим кельнерством. Ужас что такое. Отдохнуть надо Вам. Займите где-нибудь и приезжайте к нам на лето. Смысл этого предложения примитивно прост: отдохнете, не думая ни о чем. М. б., здесь, в Эстонии, что-либо найдете к осени. Мобилизуем всех знакомых. А тогда можно и их выписать. Я советую от всего сердца. Больно, что ничего иного не могу сделать. Но какой у Вас паспорт? Если Нансеновский³, к сожал., ничего нельзя, пожалуй, устроить в смысле визы. Зайдите в эст. посол. и узнайте. Сошлитесь на меня: ко мне, дескать, едете гостить

В мае к нам приедет одна англичанка⁴ из Лондона. На все лето. Но ей-то легко!..

Бураковского⁵, актера, помню. Слышал о нем от родителей. Был, помнится, забуддыга.

Отец мой, действит., был сапером. Окончил Инжен. замок⁶. На какие же вопросы я не ответил Вам? Это очень гадко, и я прошу меня простить. Впредь буду паинькой.

...А я от страсти гибну. Нет, серьезно. Представляете ли себе меня способным пламенеть к одной пять лет? К одной и одной. Жена сначала этому не очень сочувствовала, но потом махнула рукой, ушла в себя, с презрительной иронией наблюдает теперь свысока и издали. Женщина, правда, очаровательная — петербурженка, красивая, 27 лет. И муж есть. Личность довольно безличная. Она приходит к нам почти ежедневно. Жена ценит в ней ее большой и редкий такт. Она обворожительно-любезна и мила с Фел. Мих. Но меня эта «Цирцея»⁷ положительно губит: замкнутая, холодная, чувственная, осторожная, лживая и изменчивая. Но глаза, конечно, Мадонны... Ревнует, терзает, — насыщая, не дает пресытиться... Даже насытиться с ней невозможно. С ней и ею. Ламия⁸ какая-то. Вот я как с Вами откровенно. Захотелось почему-то Вам все это сказать. Последнее время даже не могу писать ничего. Чем дольше длится эта необыкновенная связь, тем больше теряю голову. Сам на себя дивлюсь. И где же все это возникло? В глуши одебренной! Сколько, казалось бы, женщин в пути всюду, так нет же — все остаются чуждыми, а эта Нерейда влечет все более и более. Даже турнэ рву через два-три месяца, болезненно влекомый ею. И часто — в разгаре успехов, когда можно было бы работать и зарабатывать. Целую Ваши ручки. Жду Вашего мнени я. И, м. б., совета.

Ваш Игорь.

¹ Кайгородов Анатолий Дмитриевич (1878—1945) — художник, сын профессора петербургского Лесного института Дмитрия Никифоровича Кайгородова (1846—1924). Его жена — Маргарита Карловна Кайгородова.

² Столица Любовь Никитична (1884—1934) — русская поэтесса, эмигрировала в 1920 году, жила в Болгарии. 5 марта 1934 года Северянин писал из Кишинева А. Д. Барановой: «Из Софии мне пишут о скоропости кончине Любви Столицы. Мы часто встречались с ней у Массалитиновых и Разгоневых и бывали у них в доме. В день смерти она принимала участие в литер. вечере, сама играла в своей пьесе, много танцевала и через 15 минут, по возвращении домой, умерла. Это производит тяжелое впечатление на недавно ее видевших» (*Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой. С. 90—91*). На кончину поэтессы (12 февраля) Северянин написал 1 марта 1934 года сонет «Любовь Столица». См. также прим. 1 к письму 23.

³ «Нансеновский паспорт» — временное удостоверение личности, введенное Лигой наций по инициативе Фр. Нансена, заменявшее паспорт для лиц, не имеющих гражданства, и беженцев.

⁴ См. прим. 3 к письму 18.

⁵ Бураковский Александр Захарович (1841 или 1844—1910) — мемуарист, драматург, артист. См. о нем статью Э. Л. Безносова: Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. А—Г. М., 1989. Т. 1. С. 363—364.

⁶ Отец Северянина — Лотарев Василий Петрович (1859—1904). Возможно, вопросы С. И. Карузо вызваны такими строками из поэмы «Роса оранжевого часа»: «Отец мой, офицер саперный, / Был из владимирских мещан» и «Окончив Инженерный замок, / Отец мой вышел в батальон...» (*Игорь Северянин. Стихотворения. Поэмы. Архангельск. 1988. С. 271, 272*). В Инженерном (Михайловском) замке в Петербурге располагалось Николаевское Инженерное училище. См. также автобиографию Северянина: «Отец: штабс-капитан Железнодорожного батальона (ныне полка) Василий Петрович Лотарев». И далее: «<...> скончался в мае 1904 г. в Ялте, где и погребен» (ИРЛИ. Ф. 377). См. также копию послужного списка В. П. Лотарева о производстве его в 3-й понтонный, а затем в 3-й саперный батальоны в 1881 и 1884 годах (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 34. Л. 2—2об.).

⁷ Цирцея (Кирка) — в греческой мифологии волшебница, отличающаяся коварством и ревностью.

⁸ Ламия — в нисшей мифологии злой дух, змея с головой и грудью красивой женщины.

Светлая София Ивановна,
вскрылась речка, и я целыми днями в парке, занимаясь ловлей лососок. Поймал уже 9. К сожал., крупных в этот сезон нет: самая большая 31/4 ф. Впрочем, одну, фунтов в 7, упустил, т. к. плохо зацепилась, что меня очень раздосадовало. Фелисса Мих. собирает душистые нагорные фиалки и подснежники. Все время мы с ней в природе, на воздухе, на солнце. Весна стоит яркая, но холодноватая: 7—8 градусов. Надеюсь, что Ваша нога попра-

вилась. Бедная, вот уж не везет-то! Нашли ли Вы себе теперь службу? В большом городе это, к сожал., необходимо. Я говорю — в городе, т. к., например, в деревне многие ухитряются жить буквально без денег и без работы... Но зато это — деревня, и немногие могут довольствоваться ею: люди без запросов или же с крайними запросами. Лично я, за эти годы сильно во многом изменившийся, обновленный, умиротворенный и умудренный, без деревни, вообще, жизни не мыслю.

На Пасху у нас были гости из Ревеля — художник А. Д. Кайгородов¹ с женой. Провели у нас неделю. Они были рады отдохнуть душою в нашей тихой, безбурной и дружной семье. Мы с Фелиссой Михайловной всегда рады предоставить людям отдых, а уж чего другого, но благодати в нашей избушке, как и в нашей местности, достаточно. Здешний воздух уж таков, что даже мещане — все эти сапожники и портные — живут без ссор, без сцен, без вражды.

На днях ждем к себе одну молодую даму из Лондона². Англичанка по отцу, итальянка по матери. Воображаю, как тяжела А. Г. ночная служба. Как жаль, что, кроме слов, ничего нельзя поделать. Неужели нет людей состоятельных, сердечных и добрых? Неужели никто не может пригласить к себе на год-другой погостить? Страшное время, безнадежное, злое...

Не правы ли те, кто никому и ничему не верит, кто удаляется от так называемой жизни? Да, город в наши дни жесток, черств и глуп. Бог с ним совсем. Самое грустное, что иногда без него не проживешь. Вот осенью опять придется пускаться в странствия — зарабатывать те гроши, которые нам нужны для деревни. Как приятно тратить здесь каждый грош! Как обидно тратить этот же грош в городе! Я всегда в городе нервничаю, боясь истратить лишнее, памятуя постоянно о деревне. То, что мы тратим в поездке в один день, здесь хватало бы на неделю! Но что поделать. Необходимо иногда, неизбежно.

Ничего пока не пишу, читаю очень мало. Вся душа — в деревьях, в воде, в цветах, в рыбе, в птицах! И в любви к своей праведной, незаменимой, ни с кем не сравнимой и чуткой жене. Мы с нею большие друзья,— все понимаем, оправдываем, приемлем.

Сердечный привет Вам от нас, лучшие пожелания, самые искренние.

Вегда Ваш.

Игорь.

1 См. прим. 1 к письму 15.

2 См. прим. 3 к письму 18.

Toila <июль 1932 г.>¹

Дорогая София Ивановна, вот уже и опять половина лета прожита, вот уже и опять дни стали короче, а ночи длиннее и темнее. Отцвели яблони, сирень и сливы. В полях скрипят коростели. Соловьи, еще, правда, слышны, но пенье их не так уж нетерпеливо-страстно. Пропала нежная зеленизна зелени. Вскоре сенокос, грибы и ягоды вскоре, а там уж и яблоки созреют — осенью сразу дохнет. И снова осень, и снова зима, а с ними и еще год к нашим кратким человеческим летам прибавится и, значит, еще на год убавятся эти самые краткие лета...

А сколько не выполнено! а сколько не видано, не испытано! Кто осудит нас за нашу грусть человеческую, за нашу бессильную, жалкую такую, жалобу, за нашу любовь к этой прекрасной, людьми, — о, лишь людьми! — оскверняемой Земле?!.

И, может быть, нам никогда не дано больше на этой Земле увидеться, хотя расстояние между нами исчисляется всего четырьмя днями нашей жизни. Как все это странно, право, как никогда нельзя ко всему этому — непривычному, непривыкаемому — привыкнуть. А между тем...

Я за память Вас благодарю: это положительно трогательно в наше время: кто кого помнит? кто кого поздравляет? Я благодарю Вас, София Ивановна. Не позабудьте свой новый адрес сообщить, а то опять прервется наша печальная, но очень хорошая, добрая переписка, прервется, как встречи наши, лет на... 16! Как страшно: 16! Нет, я никогда к этому не привыкну. Сердце щемит у ж а с, чувствуете ли Вы это, понимаете ли то тайное, что я хочу сказать и вот не умею найти подходящих слов и оттенков? Мучительная жуть, но есть в ее безнадежности что-то чарующее. Не выразить этого.

Вам не понравилось то мое письмо? Тон не «тот»? Возможно, да: все от настроенья. Так все это изменчиво. Одно лишь неизменно: мое к Вам влечение. Тяга. Сочувствие. Сожаление, что Вы не здесь. Досада, что не могу ничем облегчить Вашей безвыходности. Кроме слов, кроме чувств. Надвигается нечто и на нас. Сбережений от последней поездки хватит на июль и август. Ровно до 1-го сент., ибо Ф.М. все точно всегда распределяет. Дальше? Жутко думать, что дальше, т. к. раньше 1-го ноября нет смысла ехать в турнэ да и ехать-то в этом году не на что. А в банках теперь почти невозможно брать, имея даже солидных жирантов: отсутствие наличности, сугубая осторожность. Болга-

рия, в бытность мою в ней, обещала прислать прозаические переводы лирики, дабы я перекладывал прозу на стихи. Обещано было от мин. нар. просв. 50.000 лева за книгу². Однако, несмотря на мои напоминания, переводов не шлют, ссылаясь в изысканно-вежливой форме на,— конечно,— кризис. Это осточертевшее слово, надо признаться, чрезвычайно удобно во многих случаях. Впрочем, дела там, как и повсюду, действительно, скверны. Мережковский, Куприн, Зайцев и еще четверо уж давно получают субсидии от Югославии (1000 фр.) ежемесячно, получают и из Чехо-Словакии. И вечно жалуются на безденежье. Что касается меня, я получал только одно время от Эстонии (около 100 долларов в год)³. Но вот уже три года ни гроша, и надежд никаких в этом смысле. В декабре я имел разговор на эту тему с предс. Державной Комиссии в Белграде — с акад. А. И. Беличем⁴. Ныне получать уже поздно: опять-таки этот «кризис». Мы с Ф. М. решились на рискованный шаг: печатаем сейчас в Нарве (от нас 40 кил.) книгу последних моих стихов на свой счет⁵. В магазины отдать ее нельзя: денег не добудешь, надуют. Хотим посылать знакомым с просьбой распространять по рукам. Печатаем 500 экз. по цене 8 франков за экземпляр. Распродав все книжки, просуществоем 6 месяц. Удастся ли только? Называется книжка (в ней 32 страницы) «Адриатика». Может быть, и Вы не откажетесь попробовать предложить несколько? Были бы Вам очень признательны. Если позволите, пришлю бандеролью столько экзempl., сколько надеетесь продать. Но не знаю, разрешено ли переводить из Бельгии деньги за границу? М. б., узнаете? Да, издание книжки автором — единственный более или менее приличный выход из положения. Хочу послать и в Париж, и в Берлин, и в Болгарию, и в Югославию, и в Польшу. М. б., на скопленную сумму проживем сентябрь и октябрь, и даже в Румынию поедем, а, м. б., еще отсрочим гибель на полгода в Тойле. Да, гибель, ибо я — поэт. Только поэт.

Ваша открытка прелестна, но моя паутина, к счастью, не столь цепка: меня паучок не погубит все же.

В следующем письме я много напишу Вам, дорогая, интимного, откровенного, сердечного — с Вами это дивно! Вы так хорошо все воспринимаете, что ничего не хочется от Вас скрывать, прикрашивать. Я писал, что гибну от «нее». Так ли это, все же? Ф. М. сама отчасти слегка повинна во всем. Повинна без вины. Впрочем, до следующего письма. Наш искренний привет Вам, А. Г. и Игорю. А наша англичанка⁶ все еще не едет: ее задерживает болезнь сестры.

Целую Ваши ручки нежно.

Ваш Игорь.

¹ Датируется по содержанию.

² Вероятно, речь идет о Министерстве народного просвещения Болгарии, где в эти годы (1931—1933) начальником отдела культуры и фондов служил давний приятель Северянина С. Чукалов. 16 мая 1932 года поэт писал Чукалову: «Дела наши убийственны: с первого мая живем в кредит в лавочке <...> живем, ожидая со дня на день гибели. <...> Думали, с Божьей помощью, в октябре поехать опять куда-нибудь на заработки, но как до осени продержаться? <...> Вы — чудный и добрый, верю, Вы спасете нас!» (Письма на Игор Северянин до Сава Чукалов // Проблемы на новата българска литература. София, 1978. С. 263).

³ «С 1926 Северянину с учетом его заслуг по переводу и пропаганде эстонской поэзии нерегулярно выделялись <...> субсидии из государственного фонда, т. н. культурного капитала» Эстонии. Однако эти субсидии выплачивались лишь в периоды с 1926 по 1931 и с 1937 по 1940 год (Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой. С. 12, 22).

⁴ Белич Александр Иванович (1876—1960) — сербский славист, президент Академии наук Сербии, с 1947 года — почетный профессор МГУ. В рассказе «Гроза в Герцеговине» (о пребывании в Югославии в 1930—1931 годах) Северянин вспоминал о знакомстве с «председателем державной комиссии по делам русских эмигрантов, ректором университета и воспитателем престолонаследника Петра, академиком Александром Ивановичем Беличем», а также об «исключительном» приеме, оказанном поэту в Белграде (Юность. 1987. № 4. С. 91).

⁵ Сборник «Адриатика» (Нарва, 1932), составленный из стихотворений, навеянных югославскими впечатлениями 1931—1932 годов, Северянин издал за свой счет и большую часть тиража разослал своим знакомым в Прибалтике, Европе и Америке. Среди откликнувшихся на просьбу о продаже книг была и А. Д. Баранова, которой поэт писал 14 октября 1932 года: «В Париже книжки мои продает Тэффи, в Брюсселе — графиня С. И. Карузо, давняя приятельница из Харькова, в Нью-Йорке художник С. В. Животовский, в Софии вдова акад. Нестора Котляревского и т. д.» (Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой. С. 80). Тираж разошелся полностью, а вырученные деньги (110 долларов) позволили семье Северянина полугода «героически держаться». «Трудно, конечно, себе вам, горожанам, даже представить себе, — писал он С. И. Карузо 29 октября 1932 года, — как это можно ухитриться жить вдвоем на маленькую такую книжечку, но мы вот, при здешней дешевизне, ухитряемся и до сих пор, слава Богу, не голодаем».

⁶ См. письмо 18.

Toila, 18.VIII.1932 г.

Дорогая София Ивановна,

Ваше длительное, — как впоследствии выяснилось, такое понятное, — молчание, говоря откровенно, меня крайне беспокоило, и я тщетно силился найти ему какое-либо объяснение. Меня оно положительно пугало, тем более, что я знал, в каком угнетенном состоянии духа Вы все это последнее время находились и находитесь. Поэтому, когда я получил на днях Ваше письмо, я очень ему обрадовался, хотя, увы, радостного у Вас немного, и

я искренне, всей душой, опять и опять соболезную Вам. Но успехи Игоря — это уже из области явно отрадного, и я спешу поздравить Вас и порадоваться Вашей радостью. Верю, что Вам крайне тяжело и горько, но не теряйте бодрости: жизнь так часто неожиданно и круто меняется, и то, что вчера еще могло показаться совершенно невозможным, завтра делается простым, ясным и доступным. У нас, по крайней мере, так почти всегда, и это дает мне смелость бодрить и друзей своих. В настоящее время мы готовимся вновь вступить в полосу испытаний, и вся надежда, как я Вам уже и писал, на распродажу новой книжки¹, вышедшей в свет только 5 авг. Я разослал уже по Европе и Америке 250 экз., т. е. половину всего издания. Недели через две-три начнут постепенно выясняться результаты. Пользуясь Вашим добрым разрешением, послал 16-го и Вам 15 экз. Вот Бельгия, напр., такая страна, перевод денег из которой разрешается. Но есть страны, напр., Германия, Польша, Латвия, Болгария, Югославия, из которых никак и ничего не получить. Но я все же послал книжки и туда, в надежде каким-либо чудом получить и оттуда!.. Как-нибудь через Эст. посольство или иным способом. Каким — пока сам не знаю. О моей «Адриатике» вчера в рижской газете «Сегодня» появилась прекрасная статья Пильского², и это заменит мне объявление о книге. 24-го июля приехала к нам, наконец, из Лондона *mistriss Grajiella Braithwaite*³ и внесла в нашу глушь свежую струю и оживление. Это молодая, очень деловая и энергичная женщина, которая сразу же стала звать нас на осень в Англию, чтобы дать там один-два концерта, о чем немедленно же написала своей сестре, и та охотно идет навстречу в смысле содействия своего по устройству вечеров. Но, хотя там и 30 т. русских, мы все же еще не решили, ехать ли нам туда⁴, т. к. говоря по правде, эта страна, во-первых, не очень-то нас к себе влечет, а во-вторых, и на успех как-то не рассчитываешь в тех чуждых — во всех отношениях — краях. А мы думаем уехать из Тойлы между 20—25 октября прямо в Рагузу и пожить там месяц-другой⁵, а уж потом что-либо предпринимать в Югославии и Румынии. В это лето у нас особенно много людей — и в Тойле, и в нашем доме. А на днях приедет из Берлина эст. поэт с одной дамой⁶, и инженер Эссен⁷ на 6 дней из соседнего местечка, расположенного от нас в 16 километрах. Сейчас он поехал на яхте в Финляндию, в воскресенье же ждем его к себе. Фелисса Михайловна чрезвычайно притомилась, т. к. на ней лежит все хозяйство. С этой стороны в приемах есть свои отрицательные стороны. Но мы любим, когда к нам приезжают. Было уже 18 человек. И большинство из них жило по несколько дней. 31-го июля у нас в Тойле состоялся

большой музыкальный праздник. Пел хор в 650 человек, играл духовой оркестр в 135 инструментов. Съехалось со всего округа более трех тысяч. Вечером был спектакль и, конечно, танцы. Такие развлечения, как музыка и пенье, я приветствую: они говорят о музыкальности и культурности народа.

Как мы проводим время? Много гуляем, много читаем, дамы ездят иногда с рыбаками в море сети осматривать.

Стоят дивные дни, лунные мягкие ночи. Сырости у нас не бывает, но влаги достаточно: мы живем высоко над морем (30 саженей). Я очень сожалею, что не мог сделать на романах надписи: книги лежали у приват-доцента Б. В. Правдина в Юрьеве⁸, откуда он, по моей просьбе, и переслал их непосредственно Вам. Вы не горюйте, София Ивановна милая, вот увидите — все будет хорошо. Я так хочу для вас счастья и радости светлой. Я так хочу, что это сбудется. Не улыбайтесь, это совсем серьезно.

За последнее время я совсем отошел от всяческих «соблазнов». Все это настолько пусто, мелко и ненужно (ни мне, ни другим), что нашел глупым длить неоправдываемое. И чувствую себя значительно приятнее, как-то свежее и облагороженнее. Сам удивляюсь, как легко это было сделать. М. б., давно уже нужно было поступить так. Да, Фелисса Мих. достойна лучшей участи. Я очень виноват перед ней. Мне так трудно теперь вернуть ее безоблачность. Это более всего меня мучает. Одно лишь время покажет ей многое.

Нежно целую ручки Ваши. Ф. М. и я шлем Вам, А. Г. и Игорю наши искренние приветы и лучшие пожелания.

Ваш неизменно

Игорь.

P. S.: Я давно написал бы Вам во время Вашего молчания, но Вы писали, что меняете квартиру, нового же адреса я не знал.
Иг.

Если Вас не затруднит, черкните, пожалуйста, открытку о получении книжек и не очень ли они смялись и испачкались в дороге.

Иг.

¹ См. прим. 5 к письму 17.

² П-ский [Пильский П. М.]. Дорожная тетрадь поэта. Новая книга стихов И. Северянина. («Адриатика») // Сегодня. [Рига]. 1932, № 223.

³ В письмах к А. Д. Барановой от 14 октября и 5 декабря 1932 года Северянин сообщает, что миссис Грациелла Брейтвейт (приводит только фамилию) пробыла в его семье два с половиной месяца, собирается приехать летом и учить Вахка английскому языку (*Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой. С. 79, 83*). Однако летом 1933 года Северянин находился в длительной поездке по Европе.

⁴ Поездка в Англию не состоялась.

⁵ Северянин выехал из Тойлы лишь 1 марта 1933 года, в Рагузе (Дубровник) побывал летом того же года. См. письмо 21.

⁶ 5 сентября <1932> года Северянин писал А. Д. Барановой: «На днях ждем эст. поэта Адамса. Приедет с невестой к нам дней на 10» (*Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. С. 77). О В. Адамсе см. прим. 11 к письму 5.

⁷ См. прим. 4 к письму 3.

⁸ Правдин Борис Васильевич (1887—1960), поэт, филолог, преподаватель Юрьевского (Тартуского) университета. Бывая в Юрьеве, Северянин обычно останавливался в доме Правдина. Ему посвящены стихотворения Северянина «Рондо» (1920), «Озеро Ульясте. (Письмо Б. В. Правдину)» (1923), «И тогда... (В альбом Б. В. Правдину)» (1926).

19

Toila, 6.X.1932 г.

Дорогая София Ивановна,

16 авг. я послал Вам, пользуясь Вашим любезным разрешением, 15 экз. «Адриатики», а 18 авг.— длинное письмо. И вот до сих пор не имею от Вас ни строчки.

Меня это крайне беспокоит: что с Вами, как Ваше здоровье, все ли у Вас благополучно? Напишите, пожалуйста, сразу же хотя бы открыточку. Дело в том, что в конце этого месяца мы уезжаем в Румынию, конечно, только в том случае, если соберем на дорогу денег. А это очень теперь трудно. Приходится собирать буквально по грошам. Книги мои успешно всюду продаются, и я получаю отовсюду крошечные суммы, кот. должны в конце концов дать возможность тронуться в дальний путь. К сожал., не из всех стран разрешена пересылка валюты. Самое позднее, если будете добры ответить мне 20 окт., иначе вряд ли я получу от Вас письмо. Впрочем, пишите и после этого срока: мне всюду перешлют. Но мне хотелось бы знать о Вас до отъезда. Напишите о себе подробнее.

Гости наши все разъехались. У нас осень. Рамы вставлены.

Если у Вас есть в Румынии знакомые¹, м. б., найдете возможным сообщить некот. фамилии и адреса: у меня нет там ни одной души знакомой. С дороги буду, конечно, писать Вам. Трудная осень в этом году, и на душе не очень-то радостно. Целую Ваши ручки. Фел. Мих. шлет Вам искренний привет. Привет А. Г. и Игорю.

Ваш всегда

Игорь.

Издание окупилось уже полностью, что меня весьма радует. Хоть это...

¹ Очевидно, С. И. Карузо писала Северянину о своем пребывании в Румынии (см. предисловие).

Toila, 13.I.1933.

Дорогая София Ивановна! И Фелисса Мих. и я поздравляем Вас, в свою очередь, с Новым Годом, равно и А. Г., от души желая всего доброго и светлого. Что касается нас, мы тихо — тише обыкновенного — встречали в этот раз и Рожд., и Н. Г. Никто к нам не приезжал уже с сентября, на днях только один журналист из Нарвы¹ провел два дня. Снег выпал только в ночь на пятое, морозы доходят уже до 8 градусов. Установился санный путь. К ряду забот прибавилась, следов., еще одна — о дровах. До сих пор мы так и не побывали в Ревеле, хотя до него от нас всего 4 часа езды в скором поезде. Но удовольствие это стоит не так уж дешево, поэтому все откладываем эту поездку. Но в ближайшие дни придется ехать и позаботиться добываньем денег на дальнюю дорогу². Другого ничего не придумаешь. Из Вашего письма узнал, что Л. Я. Липковская³ в Кишиневе. В 1925 г., когда весной мы прожили месяц в Берлине, она усиленно звала нас ехать к ней на лето. Даже адрес ее помню: Inzova, 3⁴. Но тогда нас напугала жара бессарабская, и мы отправились на 3 недели в Прагу, а она — в Милан и оттуда в Кишинев. С тех пор я и потерял ее из виду. Доходили слухи, что жила она одно время в Лондоне. С ее сестрою — Александрою — встречались в прошлом году в Любляне, даже вместе в Белград ехали, но А. Я. почти не поддерживала переписки с сестрою и ничего определенного не могла о ней сообщить. Она замужем за офицером ген. штаба — Куном, живет более, чем скромно. Милая, добрая. Похожа на сестру. Поет. Тембр напоминает сестру. Мне было очень радостно узнать из Вашего письма, что Л. Я. в Бессарабии. Если поедем туда, нам будет там не так пустынно. Итак, Вы не приедете в наши края. Это, конечно, очень досадно, что так выходит, но, видимо, Вам город ближе деревни, и Вы воистину горожанка. Что поделать! А я с ужасом думаю о необходимости покинуть глушь свою любимую. Как это странно, что Вы так подвержены заболеванию гриппом. За короткий промежуток времени три раза! Берегите себя, не ходите с открытой шеей, не забывайте о ботиках. Мы ходим укутанные, как медведи: валенки, теплые рукавички, шапки кенгуровые с ушами, меховые воротники, всякие шарфы. Это, м. б., и не очень элегантно, но зато тепло и уютно. Хорошо, что Игорь встает на ноги, и Вам меньше приходится о нем заботиться, что есть люди, которые думают о нем и не оставят в трудные минуты. У Вас же и без того, как видно, много забот и неприятностей. Одна эта служба в амери-

канской семье чего стоит! Хорошо еще, что живете собственным домом, а не у них. Вполне согласен с Вами, что иначе и жить почти нельзя. Меня в дороге терзают больше всего отэли. Я так люблю и ценю свой скромный, но все же свой угол! О Довиде Кнуте я несколько наслышан, кое-что читал. Ужасная гадость все эти новые парижские и пражские версификаторы — все эти Кнуты, Поплавские, Лебедевы etc. Бездарные наглецы, безвкусные, с претензиями. Лучше других — Оцуп, Ладинский, Кнорринг...⁵ Но это лишь лучше,— не более. Последнее время мы перечитываем полное собрание Станюковича. Достал случайно 40 томов⁶. Интересен. Чуток. Умен. Порядочен. Благожелателен. Приятный писатель. О «Кл. розах» в исполнении Вертинского ничего не слышал. Возможно, что и мои. Поет же он, напр., «Бразильский крейсер», взяв эти стихи из «Гром. кубка», изменив лишь название («Когда придет корабль...»)⁷. Однако, авторских с него не получил. Впрочем, и не пытался. Думается, что можно было бы получить, тем более, что и граммофонные пластинки выпущены. Но все это очень сложно — затевать судебные процессы. Да и адвокаты из породы кусающихся зверей... Я не понял в Вашем письме, почему Вы говорите «паучок» относительно Бенцелевич?⁸ Вы их знали? И его, и ее? Теперь они в Белграде, вернее одна Леонила Никол., т. к. Анатолий Александрович в прошлом году скончался. И скончался за два дня до нашего вторичного в Белград приезда. Напишите, в чем дело. Целую Ваши ручки. Ф. М. и я приветствуем Вас, А. Г. и Игоря. Пишите на Тоila, не забывайте. Если поедет, напишу с пути. Книжки, если не затруднит, оставьте у себя. Но я боюсь Вас утруждать. Всего хорошего. Ваш Игорь.

P. S.: Простите, что пишу последнее время все открытки, эти письма дурного тона, но, в видах экономии, приходится так поступать, тем более, что у меня очень большая переписка.

¹ Возможно, речь идет о писателе Василии Акимовиче Никифорове-Волгине, сотруднике газеты «Старый нарвский листок». Ему посвящен сонет Северянина «В. Никифоров-Волгин» (Вести дня. [Таллинн]. 1936. № 59 (13 марта)).

² Уже по приезде в Кишинев Северянин писал А. Д. Барановой: «В Ревеле провели 10 дней — от 7 по 18. II. С трудом раздобыли тогда деньги на дорогу, сделав долги» (*Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой.* С. 86).

³ См. прим. 7 к письму 14.

⁴ 22 июня 1925 года, вернувшись из-за границы в Тойлу, Северянин писал А. Д. Барановой: «В Берлине виделся почти ежедневно с Липковской» (*Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой.* С. 56). По адресу улица Инзова, 3 (ныне ул. Сергея Лазо) в Кишиневе жила семья Л. Я. Липковской (см.: *Арабаджиу Р. Судьба примадонны.* С. 211).

⁵ Северянин перечисляет поэтов русской послереволюционной эмиграции, парижских: Кнут Довид (Фихман Давид Миронович; 1900—1955); Поплавский Борис Юлианович (1903—1935); Опул Николай Авдиевич (1894—1959); Ладинский Антонин Петрович (1896—1961); Кнорринг Ирина Николаевна (1906—1943), и жившего в Праге Лебедева Вячеслава Михайловича (1896—1968).

⁶ Очевидно, имеется в виду собрание сочинений К. М. Станюковича в двенадцати томах (СПб., 1906—1907), вышедшее в издательстве А. Ф. Маркса в виде сорока выпусков. Писателю посвящен сонет «Станюкович» (1926) в книге Северянина «Медальоны».

⁷ В воспоминаниях, написанных по возвращении на родину, А. Н. Вертинский весьма недостожно отзывался о дореволюционном творчестве И. Северянина, называя его «изысканно-галантерейным» и изумлялся тому, что «тем не менее успех у него был потрясающий» (*Вертинский А. Дорогой длиною...* М., 1990. С. 91—92). В свою очередь неприязненное отношение к Вертинскому выразил и Северянин в «сонете-характеристике» «Вертинский» (1926): «Душистый дух бездушной духоты», «Делец и плут, певец любви перинной» и т. д. Сонет предназначался для сборника «Медальоны» (см. прим. 7 к письму 23), но не вошел в него (опубликован В. А. Сапоговым: *Новый журнал*. 1993. № 2. С. 80). Любопытно наблюдать это взаимное отторжение, учитывая, что современники нередко объединяли Северянина и Вертинского, считая обоих представителями массовой культуры. Представляется, что поэзия Вертинского, манера ее исполнения на эстраде не избежали влияния раннего Северянина. Более того: песни на стихи Северянина «Когда придет корабль» (1911) под названием «Бразильский крейсер» (1924) и «Классические розы» (1925) под названием (по первой, измененной строке) «В те дни, когда роились грезы...» (1932) — входили в репертуар Вертинского (см.: *Бабенко В. Г. Артист Александр Вертинский. Материалы к биографии. Размышления.* Свердловск, 1989. С. 128; *Каталог песен Вертинского // Вертинский А. Н. За кулисами.* М., 1991. С. 298). В архиве Северянина сохранилась подборка изданий романсов на его стихи различных композиторов, куда включен и «Бразильский крейсер», с указанием: «Музыка и слова А. А. Вертинского» — и поправкой рукой Северянина (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 42—43). Неизвестный автор статьи «Северянин в Варшаве», рассказывая о «поззоконцерте» Северянина, не преминул упомянуть о том, что «радостно румянился в креслах А. Вертинский, слыша рокот первоисточника голубых волн, на которых колышется и его „Бразильский крейсер“» (цитируется по неатрибутированной газетной вырезке из архива Игоря Северянина в Гос. литературном музее им. Ф. Крейцвальда: F.216 М 2:14. Л. 27).

⁸ О ком идет речь, установить не удалось.

Дорогая София Ивановна, 1.III. мы выехали из Тоila, побывали в Юрьеве, Риге и Варшаве и 9.III. приехали сюда¹. 17.III. дал первый концерт в зале Примарии, собравший полный зал в 500 чел., завтра даю второй в «Экспрессе»², рассчитанном на 1500 чел. Приглашают и в провинцию: Аккерман, Измаил, Бендеры, Бельцы,

Оргеев. Мы все время, по очереди, хвораем: кашель, жар, насморк.

Масса знакомств, всюду зовут. Взятые с собою экз. «Адриатики»³ были расхвачаны на первом вечере в 10 минут. Пришлите, пожалуйста, все оставшиеся у Вас: пушу их в провинции. Собираю со всей Европы!.. Люди очень сердечные, внимательные. У Марии Леонт.⁴ так еще и не удосужился побывать, но на днях думаю нанести визит. Пишите о себе, что нового у Вас. Адрес до 15 апреля: Roumanie. Chişinau. Strada Dm. Kantemir, 10A. Leonid Evitski pour I.—S.⁵. Жаль, что весна запаздывает: здесь она, говорят, мгновенна и пышна. Конечно, я тоскую о севере: наша весна длительна, тонка и печальна. Через Бухарест хотим проехать в Белград, от Турн-Северина по Дунаю через Железные ворота, а оттуда на Сараево в Дубровник. Тяга громадная. Посмотрим, удастся ли.

Жизнь здесь дешева, и это отражается на сборах. Вчера были на чествовании Бялика⁶ и на лекции в Союзе Бессар. женщин. Везде, конечно, овации. Скорее напишите: давно ничего о Вас не знаю.

Целую Ваши ручки, вспоминаю с особою приятностью, помню, что Вы были здесь.

Привет от Ф. М. и меня Вам, А. Г. и Игорю. Всего хорошего, светлого, доброго. Поздравляем с наступающей Пасхой Христовой сердечно!

Всегда Ваш

Игорь.

¹ Планируя эту поездку, Северянин писал С. И. Карузо 29 октября 1932 года: «Ехать в Румынию все же придется, но раньше 15 янв. не поедем: будем героически держаться. Это, знаете ли, не лишено своеобразной прелести даже!.. 1 янв. исполняется год, как мы *держимся*. Не так уж это и плохо: русский поэт держится на лирику *свою tog!*.. Это граничит с чудом, София Ивановна! Вы не находите?» (имеются в виду скромные суммы, полученные от продажи сборника «Адриатика» — см. прим. 5 к письму 17).

² В Кишиневе с большим успехом прошли вечера Северянина: 17 марта и 28 апреля в зале примарии (городского управления) и 31 марта в театре «Экспресс». Из воспоминаний кишиневского литератора С. И. Стодольского: «В 1933 году, проездом из Варшавы в Белград, в Кишиневе остановился Игорь Васильевич Северянин. Он был хорошо принят местной публикой, широко поддержан журналистами и литераторами. Предологавшаяся остановка его здесь на несколько дней продлилась около двух месяцев» (Хазин М. «Твоей молвой наполнен сей предел...». Повесть. Очерки. Изд. 2-е, доп. Кишинев. 1987. С. 242). О пребывании Северянина в Бессарабии см. также в его очерке «Цветущая Бессарабия» (Сегодня. [Рига], 1933. № 97. 7 апреля), в статье М. Петрова «Игорь Северянин и его кишиневские друзья» (Молодежь Молдавии. 1987. 20 июня) и др.

³ См. письмо 17 и примечание к нему.

4 Мария Леонтьевна — возможно, сестра румынской знакомой Северянина Ольги Леонтьевны Мими-Вноровской (см. прим. 3 к письму 24).

5 Евицкий Леонид Григорьевич — кишиневский поэт, журналист, принимал участие в вечерах Северянина. Во время пребывания в Кишиневе Северянин жил в доме Евицкого (см. также письмо 23). В архиве журнала «Русское богатство» сохранилось письмо 18-летнего кишиневского гимназиста Леонида Евицкого к В. Г. Короленко от 17 марта 1915 года с просьбой разрешить его сомнения в выборе литературного пути и с приложенным стихотворением «„Закроют кабаки!“ (Памяти Н. А. Некрасова)» (ИРАИ. Ф. 266. Оп. 2. Ед. хр. 106).

6 Бялик Хаим Нахман (1873—1934) — еврейский поэт, писавший на древнееврейском языке. В 1920 году покинул Россию, жил в Западной Европе, затем в Палестине. Поехав в 1903 году в Кишинев после случившегося там еврейского погрома, Бялик под впечатлением увиденного написал поэму «*Vaig ha-Naregah*» («В граде избияения»), сделавшую его «популярнейшим поэтом новейшей еврейской литературы» (Еврейская энциклопедия. Т. 5. СПб. [Б. г.]. С. 187).

22

Замок «Хрстовац».
Словения.
27.VI.1933 г.

Дорогая София Ивановна!

Не сердитесь, прежде всего, на меня за мое долгое молчание (с 3.III!): никому с тех пор не писал, вообще¹. Причина? Их много, но самая главная: был захлестнут жизнью и вовлечен в водоворот, влекший меня к пучине. Казалось одно время — погибну, захлебнусь, но вот Бог спас: с 21 июня, по предложению правит., поселились при санатории-школе, в старинном (600 лет), австрийск. родовом замке (гр. Герберштейн) в 126 комнат², над рекой *Rěsnica*, в 18 килом. от Марибора (б. Марбург). Из окна, — с горы, — неоглядные поля, холмистые леса и горы, горы, горы. Альпы синеют вдаль. Намечается Тироль. От Вены четыре часа. От Триеста и Фиуме — пять. От Загреба (Аграма) — три. От Белграда — 12 час. езды в курьерском. Из Марибора трижды в день ходит автобус. Мы приехали на закате, и были встречены у ворот замка начальницей школы, персоналом и девочками, поднесшими букеты роз. На другой день нам показывали замок и водили по классам. Вера Яковл. Орлицкая, — кстати, бессарабка! — чрезвычайно обаятельная и славная, еще молодая женщина. Она ежедневно присылает нам громадные букеты роз, землянику, черешни и зовет к себе в башню на чай. Муж ее — страстный рыболов, и мы ходим с ним за два километра ловить южную рыбу. Она несколько иного порядка, чем в Эстонии: и навыки, и привычки ее какие-то странные. Окрестные помещицы — г-жа Пильц и кн. Оболенская, — узнав о нашем приезде

в замок, знакомые уже по моему посещению Марибора в 1931 г., прислали нам приглашения, и в ближайшие дни мы нанесем им визиты, воспользовавшись коляской, любезно предоставленной нам В. Я. Комната у нас отличная, кормят превосходно и вкусно. Мы так измучились от своих скитаний, и так заслужен, так необходим этот отдых. Все это gratis*, конечно. Четыре месяца поездки в этот раз буквально ничего не дали — все ушло на отэли и поезда в Румынии и до Белграда. С 11-го мая мы живем в Югославии на счет правит., имея по стране беспл. билеты³. Целый месяц пробыли в Белграде, три дня в Дубровнике и восемь в Сараеве. Вечера пока дал только в Белгр. и Сараеве. В Румынии провели ровно два месяца. Три вечера в Кишиневе, по одному в Бухаресте и Аккермане. Остальных городов пока не трогали: резерв. Познакомился я с Марией Леонт.⁴ Милая она и славная. Напоминает чем-то (и внешне!) Тэффи. К сожал., из-за своего «водоворота» я лишил себя удовольствия побывать у нее еще и еще раз. По этой же причине не попал с ней и на кладбище на могилу ее мужа и дочери. Теперь мне это крайней обидно, и, если осенью поедем в Бессарабию, обязательно побываю. О будущем, впрочем, стараюсь не думать, ибо ничего отрадного в смысле финансов оно не сулит. Одно беспощадно ясно: в Тойлу возвращаться без денег нельзя. Тревожит и Вакх: счет его содержания у бабушки растет с каждым месяцем, и до сих пор ни одного лея, ни одного динара мы не смогли послать домой. Не ужасно ли это? И как ни удивительно, несмотря на всякие невзгоды, написал цикл из 10 стихотв.⁵ И — говорят — хорошо...

А Вы как живете? у Вас что хорошего? Напишите мне, дорогая, теперь же, и я с радостью откликнусь сразу же, т. к. теперь я в природе и в благостном настроении. Пробудем мы здесь, вероятно, до 1—15 авг.⁶.

Я больше бы написал Вам, но меня страшит мысль: а вдруг Вы переменили квартиру, и я пишу в пустоту?

Целую Ваши ручки, всегда-всегда помню Вас. Фелисса Мих. (она так устала и намучилась) шлет Вам искренний привет. Привет от нас и Ал. Гр., и Игорю.

Всегда Ваш

Игорь.

Igor Severjanin
Ruska Škola.
Hrastovac, Pošta Sv. Lenart u
Slovenskih Goricah kod
Maribora Yougoslavie.

* Бесплатно (лат.).— Рег.

¹ С 25 марта по 28 июня 1933 года была прервана и переписка с А. Д. Барановой.

² К письму приложена журнальная вырезка с видом замка «Хрastoвeц». В редакционной заметке «Игорь Северянин в Югославии» газеты «Наша речь» (Бухарест. 1933. 20 июля. № 199) сообщалось: «Игорь Северянин гостит в Югославии. После ряда устроенных им литературных вечеров в Белграде, Дубровнике, Сараево и других крупных пунктах Югославии, неизменно собиравших массу публики, югославянское правительство предложило поэту отдохнуть это лето в Югославии. Поэт принял предложение и гостит теперь в замке Хрastoвaц, в Словении. Этот исторический замок построен шесть веков тому назад. Он поражает своей грандиозностью: в нем 126 комнат. Замок расположен в прелестной местности. <...>»

³ Очевидно, как и в прошлый приезд в Югославию, Северянин «получил бесплатный билет 1 класса по всей стране» (*Игорь Северянин. Гроза в Герцеговине // Юность. 1987. № 4. С. 91.*)

⁴ См. прим. 4 к письму 21.

⁵ По-видимому, речь идет о стихах, посвященных одной из кишиневских знакомых Северянина, бывшей предметом его очередного недолгого увлечения. В очерке М. Хазина «Скиталец тот, кто всех светлей...» приводится стихотворение, опубликованное в газете «Бессарабское слово» (1933. 5 мая): «Грусть радости», с посвящением «В. И. Шей де Вандт, моей невесте». Героиня стихотворения — Виктория — облекается, в частности, в такие образы: «Газель моя, подстреленная злыми! / Подснежник бессарабский — виорель!» (Хазин М. «Твоей молвой наполнен сей предел...» С. 244). Год спустя, 29 июня 1934 года, Северянин писал С. И. Карузо: «Стихотворений все же написал я много. Они разделены на два цикла: 1. Виорель (Кишинев) и 2. Цикламены (Hrastovac)». 5 октября того же года Северянин снова возвращается к этой теме: «А Виктория шлет из Кишинева „безумно-влюбленные“ письма и ждет, чтобы я развелся с женой и женился на ней. Та самая Виктория, которая хотела в мае облить меня серной кислотой и держала совместно со своею шайкой-родней неделю в осаде. <...> А все-таки веселое было время, и эта Виктория дала мне много стихов, которые Вы прочтете в „Очаровательных разочарованиях“, экземпляр которых я пришлою Вам, как только книга выйдет в свет». Сборник «Очаровательные разочарования» остался неопубликованным (см.: РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 3).

⁶ Отъезд был отложен. Возможно, одна из причин — приезд В. В. Берниковой с мужем: «В августе к нам приезжали друзья из Сараево и провели с нами около трех недель» (письмо к С. И. Карузо от 28 сентября 1933 года). О Берниковой см. прим. 1 к письму 12.

Кишинев, 20.I.1934 г.

Дорогая София Ивановна!

Редакция «Золотого Петушка»¹ очень просит Вас помочь ей наладить сношения с каким-либо кн. магазином в Брюсселе, торгующим русск. журн. и книг., — мы, к сожалению, не знаем, к кому можно было бы обратиться. А еще было бы лучше — если бы Вы сами взяли на себя труд распространения хотя бы десятка

экземпляров. Конечно, если это Вас не затруднит. Одновременно посылаем Вам 10 экз. на пробу. Мне кажется, благое начинание молодого энтузиаста Евицкого следует всячески поощрять: в столь подлое время столь благородные намерения! Это, если хотите, героизм! Издательство, к сожал., средствами не обладает абсолютно никакими, и платить по 30—40 проц. комиссионных ему затруднительно. Деньги за продан. экз. можно перевести непосредственно на имя Евицкого (Леон. Григ.): Roumanie. Basarabia. Chisinău, ștr. Dm. Kantemir, 10A. На этот же адрес жду от Вас и для себя писем. Нравится ли Вам журнал? Второй № выходит в первых числах февраля. № 1 идет здесь успешно. Везде к журналу живой интерес.

Уехав из замка Hrastovac 2.XI в Сараево и пробыв там 2 недели, мы приехали в Белград, где пробыли 3 недели. Оттуда попали на 27 дней в Софию и через Рушук² выехали в Бухарест. Проведя там сутки в отэле, 5 янв. утром добрались, наконец, до Кишинева, из которого уехали 5 мая.

В отсутствии были, следов., 8 месяцев ровно. Первые десять дней прожили у ротм. Крживоблоцкого (где и прошлый раз), а 15-го наняли в центре города (на Подольской) особнячок в одну большую и очень теплую комнату. Перешли на домашнее хозяйство. Предполагаю прочесть лекцию, читанную в Сараево, Белграде и Софии. Тема ее: «Путь к вечным розам» (Русская поэзия начала XX века)³. Затем думаю дать вечер стихов. В Сараево устроил три вечера, в Белграде — два, в Софии — четыре. Оба раза в Белграде — аншлаг. Но денег совсем нет⁴, как и раньше: билеты до смешного дешевы! Хотим снова съездить в Аккерман, где был громадный успех весною. Надо побывать и в Бельцах, и в Сороках, и в Измаиле, и в Бендерах, и в Рени⁵.

При «Золотом Петушке» намечаются курсы версификации, и, возможно, я буду читать лекции по стиховедению⁶. Как чувствуете Вы себя? Что у Вас нового? Уж теперь-то переписка наша наладится, т. к. мы постоянно будем на одном месте. Пробудем до мая минимально. В Белграде печатается моя новая книга сонетов: «Медальоны»⁷. Вскоре выйдет в свет. Что сказать Вам о последней — после замка — поездке? По обыкновению много встреч, много впечатлений. Все дни были заранее расписаны. В Софии ежедневно встречались с Массалитиновым и Краснопольской⁸. Встречали у них Новый год. В Бухаресте обедали у Липковской. Познакомились с ее новым мужем. Датчанин Свэн⁹. 27 лет. Красив. А ей ведь 53... Но она хорошо сохранилась. Видели и Е. И. Арцыбашеву¹⁰. Теперь заняты составлением номера второго. Есть Ремизов, Куприн и пр. Жду от Вас весточки. И скорей.

На днях сделаю визит Проеско. Фелисса Мих. и я шлем сердечные Вам и Ал. Гр. приветы.

Целую Ваши ручки.

Ваш неизменно

Игорь.

<Приписка на обороте:>

М. Г.

Многоуважаемая София Ивановна!

Помогите добрым словом молодому начинанию — Золотому Петушку. Приношу заранее сердечную признательность редакции за Ваше содействие.

С искренним уважением

Леонид Евицкий.

21.I.1934.

¹ Речь идет о литературно-художественном журнале «Золотой петушок», который начал выходить в январе 1934 года в Бухаресте под редакцией Л. Г. Евицкого, при участии Северянина. Поэту удалось привлечь к сотрудничеству А. М. Ремизова, К. Д. Бальмонта, И. С. Лукаша, помочь в распространении вышедших номеров в Европе. 12 февраля 1934 года он писал С. Чукалову: «„Золотой петушок“, несмотря на свое безденежье, получился очень приличным». И в том же письме: «<...> по целому ряду разных соображений, мне пришлось решительно отказаться от редактирования журнала, и главная причина — это полнейшее банкротство издателя: не то что ежемесячное жалование, ему гонорар было трудно мне уплатить за первый номер...» (Проблемы на новата българска литература. София. 1978. С. 265—266). Из-за неопытности редактора и материальных затруднений журнал вскоре прекратил свое существование: вышли номера 1 и 2—3. В номере 2—3 был помещен портрет Северянина и его сонеты «Любовь Столица» и «Бальмонт». О «Золотом петушке» см. также: *Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. С. 89—94, 142—144.

² Руцук — турецкое название болгарского города Русе.

³ Упоминания о чтении этой лекции в Югославии и Болгарии см.: *Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. С. 88; *Йорданов Хр*. Игорь Северянин в Болгарии. С. 153.

⁴ По окончании этой длительной поездки Северянин писал С. И. Карузо 29 июня 1934 года: «12 июня мы, наконец, вернулись на милый север, пробыв в отсутствии 15 м. и 12 дней. Поездка не дала в мат. отн. ровно ничего: все заработки сразу улетучивались. 7 мес. провели в Югославии, месяц в Болгарии и 7 мес. в Румынии <...> в Кишиневе всего прожили полгода и месяц в Бухаресте. Всего везде дал 20 вечеров».

⁵ Рени — город в Одесской области, расположенный на реке Дунай.

⁶ По предположению Р. Крууса, Северянин собирался использовать свою работу «Теория версификации (стилистика поэтики)», выполненную осенью 1933 года в Югославии в замке Хростовец и оставшуюся неопубликованной (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. № 12; *Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. С. 142). В цитированном выше письме к С. Чукалову Северянин писал: «Что касается курсов, мне, как иностранному подданному, открыть их нельзя» (Проблемы на новата българска литература. С. 265).

⁷ Сборник «Медальоны» (Белград, 1934) с подзаголовком «Сонеты и вариации о поэтах, писателях и композиторах» состоит из 100 сонетов, написанных, главным образом, в 1925—1927 годах. (см. текстологический комментарий Р. Крууса в книге: *Игорь Северянин*. Сочинения. Таллинн. 1990. С. 466). 29 июня 1934 года Северянин писал С. И. Карузо: «Выпустил в Белграде новую книгу: „Медальоны“. Это издание почти распродано, хотя вышло в свет 24 февраля этого года».

⁸ Массалитинов Николай Осипович (1880—1961) — русский и болгарский театральный деятель. В 1925—1944 годах — главный режиссер, затем режиссер Народного театра в Софии. Краснопольская-Шенфельд Татьяна Генриховна, писательница. Ей посвящены стихотворения Северянина «Октава» (1910) и «Заклинание» (1914) (*Игорь Северянин*. Victoria Regia. С. 52, 69).

⁹ Второй муж Л. Я. Липковской — датчанин Баден Иарл. См. также прим. 7 к письму 14.

¹⁰ См. прим. 4 к письму 10.

24

Toila, 1.I.1936 г.

С Новым Годом, дорогая София Ивановна! Не удивляйтесь ничему: я — вне законов. Если не писал, были серьезные причины¹. Очень серьезные, поверьте. Не хотелось расстраивать кошмарами переживаний. Ваши письма все получил, — очень признателен Вам. Всегда помнил. Часто-часто. Но меня ведь почти не было здесь. Почти все время был в Ревеле. Вернее — вынужден был быть. Следов., не жил, ибо город для меня не жизнь: ненавижу институт городов. Бедная Ф. М. с 3 апр. живет в Ревеле: работает на фабрике шелковой. Один скелет остался. И очень нехороший кашель (к а ш е л ё к)... Я то здесь, то там. Иногда один, иногда нет. Заработков лично у меня никаких. За весь прошлый год всего три концерта: в Печорах, Валке² и Гунгербурге. Полные залы все-таки. Удивлены? Чем объяснить? Не знаю. Публика ведь отошла от поэзии. И все же в э д е переполнено. А денег мало. До смешного. По 8\$ за вечер!.. И вдобавок свои расходы: поезда, отэли. Роман «Рояль Леандра»³ лежит на складе. Из тысячи продано экзempl. 25. Куда идти? Что делать? А теперь вот на Праздники приехали с Ф. М. на десяток дней домой. Как хорошо здесь! как благочестиво! Сегодня Ф. М. уезжает снова в кабалу. Вам это известно. Вы сами в таком же положении. Зарабатывает она 1/ 2\$ в день. У машины. В сентябре приезжала знакомая из Кишинева. В гости. Пробыла 18 дней, из них 12 в Тойле. Ездил с ней сюда. Весною снова приедет. М. б., Вы ее знаете. Она о Вас помнит. Некто Лидия

Тимофеевна Рыкова, рожденная Адам⁴. У них дом на Федоровой, около Мещанской. Великанша. Красавица. Умница. Любит искусство. Поет. Рисует. И Липковская⁵ поселилась в Кишиневе на Немецкой.

Приветствую Вас, Ал. Григ. и Игоря. Целую ручки Ваши. Напишите мне, не считайтесь письмами. Скверно мне, дорогая и милая София Ивановна, очень плохо на душе. Невыносимо.

Ваш Игорь.

¹ «Серьезные причины» состояли в том, что 7 марта 1935 года Северянин расстался с Ф. М. Круут (не оформив развода) и уехал из Тойлы. Не решаясь сообщить об этом С. И. Карузо, чтобы не вызвать нежелательных вопросов, поэт указывает в письме прежний адрес. Следует отметить, что Северянин долго скрывал от своих друзей семейные перемены. Первое из известных нам сообщений — краткое письмо от 17 июня 1935 года к А. Д. Барановой, полное недомолвок: Северянин пишет лишь, что «переехал от Фелиссы Михайловны из Тойлы в Пухаеги (в 3 килом. от Тойлы). Нанял домик над рекой» (*Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой. С. 100*). Спустя почти два года, 30 апреля 1937 года, тому же адресату Северянин ни словом не обмолвился о переменах, рассказывая о Фелиссе Михайловне, шлет от нее привет. И лишь 14 сентября того же года поэт отправляет подробное и откровенное письмо о невзгодах, обрушившихся на его семью, умоляет (страдая от унижения) о материальной срочной поддержке. Отчаяньем, скорее всего, и вызвана эта откровенность (там же. С. 102—105). С. И. Карузо Северянин отважился сообщить о новой женьтебе (это был гражданский брак) только 4 августа 1939 года (см. ниже).

² 10 марта 1935 года в Нарве состоялся вечер, а затем банкет по случаю 30-летия литературной деятельности Северянина; в апреле—мае — вечера в Печорах и Валке (см.: *Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой. С. 147—148*). Валка — город в Латвии, расположенный на границе с Эстонией. Город Печоры, возникший в XVI веке как посад у Псково-Печерского монастыря, в 1920—1940 годах находился на территории Эстонии, с августа 1941 по август 1944 года был оккупирован немцами, с 1945 года входит в состав Псковской области.

³ Речь идет об изданном в Бухаресте в 1935 году «романе в строфах» «Рояль Леандра», написанном в марте 1925 года и первоначально опубликованном М. П. Ардыбашевым в газете «За свободу!» в 1926 году. В выходных данных указано: «Издание автора». В письме к С. И. Карузо от 5 октября 1934 года Северянин сообщил, что состоятельная семья — Константин Константинович Мими и Ольга Леонтьевна Вноровская-Мими («Мы очень сошлись с ними в Бухаресте этой весной») — «предлагает издать на свой счет мой роман в стихах: „Рояль Леандра“ (Lucne). Оставит себе известное число экз. на покрытие затрат по изданию, а все остальные пришлет мне, чтобы я мог сам их распространить по знакомым. В наше время это единственный способ что-нибудь заработать, т. к. в магазинах никто стихов не покупает, да и дерут они безбожные комиссионные». Книга была издана тиражом 1000 экземпляров, 800 из них получил Северянин и успешно продал. Однако надежда на повторение удачи с продажей «Адриатики» (см. письмо 17) не оправдалась: разосланные по Европе 150 экземпляров почти не купали.

⁴ О Лидии Тимофеевне Рыковой (урожд. Адам) Северянин уже рассказывал С. И. Карузо в письме от 5 октября 1934 года, представляя ее: «(<...> наша кишиневская хозяйка, у которой мы жили ровно три месяца в этом

году, с 15.I. по 15.IV <...> редкой души женщина, очень начитанная и тонкая» и т. д. Впечатлениями о поездке в Тойлу Л. Т. Рыкова делилась в недатированном письме к Ф. М. Лотаревой (Круут), которое цитируется в статье М. Петрова «Игорь Северянин и его кишиневские друзья» (Молодежь Молдавии. 1987. 20 июня). О Рыковой см. также: *Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. С. 97.

⁵ См. прим. 7 к письму 14.

25

Igor Severjanin.
Vabaduse, 3
Narva-Yõesuu.
Estonie.

4 авг. 1939 г.

Дорогая София Ивановна!

Мне неудержимо захотелось написать Вам, хотя я и не уверен, что Вы живете там же. Поэтому это письмо предельно кратко. Вы долго-долго не писали, я молчал, но думал о Вас всегда. Я, вообще, никому не пишу ничего, но вот Вам — исключение. 7.III.1935 г. я расстался с Ф. М. и с того же дня у меня Вера¹. Она женственна и жертвенна: мне легко. У нее дочь семи лет — Валерия². Вера развелась с мужем. Я разведусь с Ф. М. осенью. Мы живем круглый год на курорте. Раньше — знаменитый Гунгербург, теперь — Narva-Yõesuu. От города Нарвы 14 килом. Наши окна выходят на широкую Нарóву и ее дивный приток — Россонь. У меня под обрывом своя лодка, — «Дрина»³, — и целыми днями мы на реках. У нас летом всегда много людей, т. к. съезд до 5000 в сезон. От моря 5 минут. Пишите о себе, Ал. Гр. и Игоре. Дайте знак, что письмо это прочли. Около 20 октября мы приедем в Берлин на месяц-два гостить к знакомым, и я дам там несколько вечеров. Возможно, попадем в Париж и Брюссель⁴. Я, наконец, должен же Вас увидеть раньше, чем покинуть Землю.

Целую Ваши ручки.

Всегда с Вами (не слова!)

Игорь.

¹ Коренди Вера Борисовна (эстонизированная фамилия по мужу Коренева; урожд. Запольская; 1903—1990). Северянин писал о ней 28 сентября 1939 года Г. Н. Рустейкес: «Верочка окончила в Тарту университет (филология) и одно время (больше 10 лет) была преподавательницей в Таллиннской комм. гимназии. С весны 1938 г. лишилась места, и мы с тех пор уехали в глушь окончательно <...> С Ф. М. встречался до 30 июля

1938 г. и всячески, даже в ущерб нам, помогал ей и Вакху, но теперь туда не езжу, ибо она человек несговорчивый, злопамятный и жестокий. А моя Верушка — добрая, мягкая и очень верная натура» (Собрание М. С. Лесмана). О В. Б. Коренди см. также: *Григорянц Г. Поэзоантракт Игоря Северянина // Молодежь Грузии. 1989. 10 октября.*

2 Коренева Валерия (1931—1983).

3 В очерке «В лодке по Россони», подробно описывающем речные прогулки по окрестностям Нарва-Йьэссуу, Северянин поясняет, что название «Дрина» дано лодке «в честь ни с одной речкой не сравнимой малахитовой босанской реки» (Сегодня. [Рига]. 1939. № 356; см. также: Даугава. 1987. № 7. С. 89—90). Стихотворение «Дрина», датированное 15 января 1931 года, вошло в сборник «Адриатика».

4 Эту поездку Северянину осуществить не удалось.

26

Igor Severjanin.
Vabaduse, 3. 20.VIII.
Narva-Ÿbesuu. 1939 г.
Estonie.

Дорогая София Ивановна!

Я был очень рад получить Ваше письмо и хотел ответить на него сразу же, но ждал ответа от Игоря Александровича, которому написал немедленно по получении Вашего письма, т. е. 11 авг. Я приглашал его посетить нас, т. к. мы от Нõтме всего в 4 1/2 час. езды скорым поездом, просил его сообщить точный день и час приезда, писал, что Вера Борис. и я встретим его у автобуса, причем она будет держать в руках складную удочку. Однако, до сих пор я ответа от него не получил почему-то, что меня просто смущает. М. б., он где-либо на курорте — в Гапсале и Пернове? И, вообще, я ни одного письма от него не получил, хотя Вы и пишете, что он хотел мне — еще до моего письма — написать. Жаль, что все так вышло, а нам с Верой было бы так приятно и интересно его повидать. У нас и остановиться (ночевать) есть где, и по рекам поплавали бы, и о Вас подробнее бы поговорили. Во всяком случае, поздравляем Вас от души с его бракосочетанием и желаем ему удачного союза. В наше время, конечно, это большая редкость. Фамилию Грауэн мне приходилось слышать: кажется, это инженер¹. Интересно знать: получил ли И. А., вообще, мое письмо? Трудно допустить, чтобы он не ответил. Мы ежедневно ждем от него известий, полагая, что он временно отсутствует. Сезон в Narva-Ÿbesuu уже закончен, хотя погода стоит ровная и очень хорошая. Дождей не было уже с месяц. Удивительно рано кончается здесь дачная жизнь: к 10—15 авг., т. е. в самое лучшее время. Дачников всего было в этом

году около восьми тысяч, а теперь и двух не осталось. Жителей же коренных около 900. Но все-таки я еще жду одного гостя. Это Дмитрий Алексеевич Смирнов, живущий теперь в Печерах² и иногда уезжающий в Италию, Францию и др. края. Он писал мне, что собирается нас навестить в конце августа. А 15—20 окт., если все будет спокойно, мы с Верой поедem в Берлин и дальше. От нас только что (16 авг.) уехала героиня моего романа «Падучая стремнина» (Вы читали его?) — Злата³. Мы не виделись с нею с 1922 г., и в это лето она провела у нас около двух месяцев. Она уже 25 лет живет в Берлине⁴. А знаком я с нею с 1905 г. Тогда ей было 19, мне 18. Сохранилась она до сих пор великолепно: на вид меньше сорока. Теперь у нее в Берлине модное модное ателье⁵, сама она только «дирижирует» и получает за фасон баснословно. Она положительно задарила нас. Верочке, напр., привезла 3 платья, франц. духов, одеколонов, мне фотогр. аппарат и проч. Время провели очень весело — бывали в курзале, в Нарве, катались в моей «Дрине» по Россони и Тихому озеру, делая до 20 кил. в день и устраивая шумные и многолюдные пикники на нескольких лодках. Она не только нас — некоторых знакомых барышень щедро одарила. Покупала здесь чуть не каждый день туфли и, поносив их несколько дней, дарила Верочке и ее знакомым!.. Даже не верится в наше время, что могут еще существовать такие сказочно-добрые бессеребреницы! У нее две дочери замужем за богатыми коммерсантами — одна в Германии, другая — в Португалии. Но от них она ничего никогда не берет, хотя дочери ее прямо обожают, а она — их. Со вторым мужем (немцем) разошлась в 1922 г., прожив 12 лет. «Захотелось быть одинокой»... Теперь она зовет нас в Берлин к себе, конечно, на все готовое. Даже билеты хочет выслать. Только при таком условии и возможно поехать. Инициатива и нажим ее, не наши. В Берл. 22 т. русских, и она уверена, что там можно дать несколько закрытых и открытых вечеров. «Надо о себе напоминать», — ее девиз: «иначе тебя забудут совсем»... А стихов, София Ивановна, я не пишу уже года три: не для кого. Возникают? Да. Но я давлю их в себе. Люди не ценят стихов — не стоит баловать людей!..⁶ Живем мы чудом: ни Вера, ни я ничего не получаем ниоткуда. Верочка потеряла место учительницы прошлой весной. Но об этом в следующем письме. Целую Ваши ручки, искр. привет от нас А. Г.

Ваш Игорь.

¹ Грауэн Андрес (Grauen Andres; 1886—1942), инженер-кораблестроитель, уроженец Петербургской губернии (недалеко от Гатчины и железнодорожной станции Елизаветино — места, где в юности жил и Северянин). Образование получил в гатчинской городской и гатчинской реальной школах, а затем в Кронштадтской морской инженерной школе и Петроградской

Морской академии. С 1923 года жил в Эстонии, в пригороде Таллина — Нымме. Служил в Военном министерстве и на различных заводах; в 1930-е годы был главным редактором технических журналов, автором нескольких книг и множества статей по морской технике (см.: Eesti riigi, — avalikuja kultuurielu tegelased. 1918—1938. Tallinn, 1939. Т.1. Лк. 48; за перевод статьи на русский язык выражаю благодарность Л. И. Петиной). В более подробной анкете, заполненной А. Граузоном 10 марта 1938 года и предназначенной для второго издания справочника «Общественные деятели Эстонии» (Eesti avalikud tegelased—Тарту. Гос. Литературный музей им. Ф. Крейцвальда. F. 193 M 68—20. За перевод анкеты с эстонского языка благодарю Л. Н. Киселеву), в графе «дети» названа Ирэне (р.1914), бактериолог. Благодаря содействию А. Э. Кухар и Александры Карузо, нам удалось отыскать первую жену Игоря Карузо — Ирину Андреевну Хэфели (урожд. Граузн), ныне живущую в Швейцарии. В письме от 8 октября 1992 года к автору данной публикации И. А. Хэфели сообщила, что брак ее с И. А. Карузо продлился десять лет. Затем: «<...> я вышла замуж в Швейцарии, он снова женился в Австрии, на австрийке, и у них родилась дочь Александра Игоревна». И далее: «С Софьей Ивановной я не теряла контакта до ее смерти и была на ее похоронах. В молодости она была „романтиком“. Всегда любила Россию». В ответ на просьбу рассказать о знакомстве с Северяниным госпожа Хэфели пишет: «Я его видела лишь один раз, когда он посетил Ревель (Таллинн). К нему мы не собрались, но он воспользовался нашим приглашением и был у нас на обеде во время своего посещения Ревеля. Уже не помню, был ли он уже седой, но кудрявый и стройный, высокий мужчина. Приятный, хорошо воспитанный. Как поэта я его мало знала, по-видимому, его слава была раньше, именно во времена молодости Софьи Ив. Карузо. Этой дружбой С. И. очень гордилась, и я рада, что ей удалось переслать переписку и книги в Россию. Она мне об этом говорила. Это была не только очень культурная, но и очень красивая женщина». В семье Карузо сохранилась книга Бориса Новосадова: [Тагто Борис Христианович], «По следам бездомных Аонид: Вторая тетрадь стихов» (Tallinn, 1938) с надписью: «гр<афу> Игорю Александровичу Карузо с искренним приветом автор 8 сентября 1939 г. Таллинн — Ревель».

² См. прим. 9 к письму 14. 17 мая 1939 года А. Д. Смирнов писал Северянину из Нарвы-Ийэсуу: «Дорогой Игорь Васильевич. Сердечно благодарю Вас за приглашение. Постараюсь им воспользоваться позже. В субботу еду опять за границу, в Стокгольм и Париж. Вернусь в Эстонию в первых числах июня и поеду в Печеры, страшно стремлюсь туда скорее <...>» (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1). 24 мая Смирнов сообщил, что поездка откладывается, а 31 мая писал: «<...> 7-го июня пою концерт для черьян <...> 8 июня еду в Печеры, спешимся с Вами в июле или августе, тогда приеду к Вам <...>» (Там же. Лл. 3, 5). Похоронив жену (певицу Л. П. Мальцеву, умершую в Лондоне) в пещерах Псково-Печерского монастыря, А. Д. Смирнов впоследствии проводил неподалеку свой летний отдых, (см. об этом: Шумаков Ю. Д. Великий русский вокалист // Волга. 1967. № 1. С. 185—191).

³ Как удалось установить Р. Круусу, Злата — это Евгения Тимофеевна Гудан (в замужестве Меннеке; ум. 1951), «первая любовь» Северянина, «которую он поэтически называл Златой» (*Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. С. 112). Данное письмо позволяет восполнить неизвестную ранее дату ее рождения: 1886 год. «Согласно устному сообщению А. Раннита,— пишет Р. Круус,— у Северянина со „Златой“ была дочь» (там же). Об этом же свидетельствуют такие, например, стихи Северянина: «Ты ко мне не вернешься...» (с посвящением: «Злате»; 1910); «Ты ко мне не вернешься даже ради Тамары. // Ради нашей дочурки...» (*Игорь Северянин*.

Громокипящий кубок: Поэзы. М.: Гриф. Изд. 4. С. 41). Заглавие сборника «Златолира: Поэзы. Книга вторая». Изд. 2. (М.: Гриф. 1914), очевидно, включает в себя имя героини. В экземпляре сборника, принадлежащем С. И. Карузу, рядом с заглавием стихотворения 1912 года «Ненужное письмо» («В ее письме ни строчки / О нашей горькой дочке...») — помета Северянина: «Злате» (ИРЛИ. Р. I. Оп. 25. Ед. хр. 470. С. 72). Помимо названной самим Северяниным «Падучей стремнины» (Роман в 2-х частях. Берлин: Отто Кирхнер и К^о. 1922.), этой же «героине» посвящена поэма «Злата. (Из дневника одного поэта)» («Златолира». С. 95—100). Причем рядом с заключительными строками о самоубийстве героини — помета Северянина: «Поэтическая вольность». Согласно пометам автора, «Злате» адресовано еще несколько стихотворений в сборнике, в том числе: «Спустя пять лет» («Тебе, Евгения, мне счастье давшая...» — там же. С. 74) и др. Об А. Ранните см. в прим. 3 к письму 28.

⁴ В 1922 году Е. Т. Меннеке помогла Северянину снять квартиру в Берлине (см.: *Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. С. 30—31). В «Заметках о Маяковском» (1941) Северянин вспоминал: «Приехали мы, предварительно списавшись со Златой, вновь возникшей в моей жизни спустя 16 лет (с 1906 г.). Она прочла в газете „Голос России“ мою „Поэзу отчаянья“, написала на редакцию (в Берлине), а та переслала мне письмо в Тойлу. Произошло это за год до нашего путешествия, т. е. осенью 1921 г. <...> На меня письмо Златы произвело большое впечатление, возобновилась переписка, я написал (еще до встречи) „Падучую стремнину“. О. Кирхнер успел ее издать» (*Игорь Северянин*. Сочинения. Таллинн. 1990. С. 406—407). «Поэзу отчаянья» см. в сборнике Северянина «Фея Eiole. Поэзы 1920—1921 гг. Том XIV» (Берлин: Отто Кирхнер и К^о. 1922).

⁵ Судя по всему, Е. Т. Гудан за рубежом нашла применение профессии, приобретенной ею еще в юности, в России: стихотворение 1912 года «Портниха» («Ты приходишь утомленная, невеселая, угаслая...»), помеченное в «Златолире» рукой Северянина: «Злате» (ИРЛИ. Р. I. Оп. 25. Ед. хр. 470. С. 66), подтверждает это. О приезде «Златы» см.: *Петроний* [Пильский П. М.]. Первая любовь Игоря Северянина // Сегодня вечером. [Рига]. 1939. № 282, 11 дек.; о «Злате» и ее дочери см. также в письме в редакцию протоиерея Сергея Положенского (Западный Берлин): Русская мысль [Париж]. 1979. № 3270. 23 авг. С. 15.

⁶ Ср. также: «Издателей на настоящие стихи теперь нет. Нет на них и читателя. Я теперь пишу стихи, не записывая их, и потом навсегда забываю» (1940 г.) («Игорь Северянин беседует с Игорем Лотаревым о своем 35-летнем юбилее» // *Игорь Северянин*. Сочинения. Таллинн, 1990. С. 430).

27

< 24.XII.39¹

Narva-Yõesuu)

Дорогая София Ивановна,

наконец-то мы встретились с Игорем Александровичем: наши с Вами пожеланья исполнились! Приветствую Вас с Праздниками. Завтра еду домой, откуда напишу подробно.

Ваш Игорь.

¹ Дата — рукой С. И. Карузу.

24го марта 1940 г.
Narva-Yõesuu

Дорогая София Ивановна,
поздравляем Вас и Александра Григорьевича с Праздниками Св. Пасхи, посылаем пожелания самые наилучшие.

Я уже давно хотел писать Вам. Но Вы знаете — я никому, вообще, не пишу последние годы. Только очень деловое: связанное с добываньем окаянных грошей¹. Но Вам писать давно было бы нужно, т.к. как-то зимою, будучи в городе, познакомился, наконец, с Вашими².

Игорь, конечно же, сын своей матери: многое в нем целиком от Вас. Он производит впечатление скромного, воздержанного, живого, ласкового юноши. Вынужденное пребывание здесь его, видимо, смущает. Рад, что обзавелся работой. Скучает по родителям явно. Все члены семьи были любезны, и я у них даже обедать остался: мне так хотелось подольше повидать Игоря и ознакомиться с ним, красивым и затаенно (сквозь искристую юную веселость) печальным. Я надеюсь, что летом он придет к нам погостить, если к тому времени не сможет уехать в Брюссель. М. б., Вы приедете к лету?

Таллин 14-го марта чествовал меня³. Инициатива исходила от эстов. Русским пришлось присоединиться... Было много публики, кое-что очистилось и мне. Конечно, по обыкновению, очень немного: расходы чрезмерные. Все исполнители участвовали gratis. Преимущественно — эсты. Президент, мин. нар. просв. и внутр. дел прислали подарки⁴, и это были самые крупные суммы. И это нас поддержало.

Зима была суровейшая: до 40 град<усов>! А на юге Эстии и до 50-ти. Но квартира у нас идеально-теплая. Мне удавалось даже в жгучие морозы держать 12—14. Обыкновенно же у нас 16—18. Мы любим тепло, дров не экономим. В феврале у сестры В. Б., Валерии, скончался внезапно муж — лейтенант флота, интернированного в Бизерте. Он был родным братом отца В. Б. Молодой человек: не было 45-ти. Вдова недавно провела у нас неделю: перемена обстановки. Умер он при нас ночью: мы останавливались в Таллинне у них. Впечатление ужасающее...

А Злата⁵ уехала в Берлин 16 авг. Пишет редко и неразумительно. Опять разболелась кишечником: 12 лет назад у нее вырезали 1/4 желудка. С тех пор пожизненная диета. Этим летом

поправилась у нас на дивной пище, а теперь опять плохо. Она увезла с собою тетрадь со всеми моими нотами (на мои слова), думая вернуть в октябре, когда мы должны были ехать к ней. И теперь я в отчаянии: как получить их? По почте нельзя. А там решительно все переплетено, и купить нельзя. К юбилею «Victoria Regia» уже четвертый раз на музыку положили, иначе ничего бы не было. Написал Прохоров в Таллинне. А Ведро «Поэзу об Эстонии». (Из «Менестреля»). Кстати: нет ли в Брюсселе «Менестреля», «Миррэлии», «Соловья» и «Громок <ипящего> кубка»⁶ в магазинах или у букинистов? Ф. М. все книги мои конфисковала, и вот уже пятый год я все собираю снова. А этих книг нигде не могу достать. Если бы Вы, дорогая София Ивановна, их нашли, я был бы Вам чрезвычайно признателен, а стоимость отдал бы Игорю. Верочка и я шлем Вам и А. Г. искренние наши приветы. Целую Ваши ручки. Пишите, не обижайтесь: помню Вас постоянно, и этим уже почти прав.

Ваш Игорь.

¹ Действительно, летом 1938 года прервалась переписка Северянина с А. Д. Барановой, С. Чукаловым, а переписка с Г. А. Шенгели восстановилась после многолетнего перерыва в сентябре 1940 года. Известны лишь единичные письма поэта 1939 года, в том числе к С. В. Рахманинову, с прощальными о материальном содействии.

² В письме к Г. Н. Рустейкес от 25 марта 1940 года Северянин сообщал: «Вернулись сюда (в Нарва-Йыэссуу. — Л. И.) из Таллинна 18-го, а 28-го снова едем на несколько дней: <...> я приглашен на обеды и ужины к Виснапу, Карузо <...>» (Собрание М. С. Лесмана).

³ Северянин, полагая, что давно всеми забыт, а его поэзия никого уже не интересует, писал 15 февраля 1940 года Г. Н. Рустейкес: «14 марта меня чувствуют в Tallinn'e в б. зале Черноголовых (550 чел. вместимостью). Человек 25 будет... Не верю ни во что больше!» Тем радостнее ему было сообщить, что концерт прошел «с большой помпой. В зале было 570 человек — полно. Преимущественно, в громадном большинстве, эсты. Ах, уж эти соотечественники!.. Слава Эстонии <...>. Инициаторами вечера были: эст. художн.-миллионер Борис Линде и Алексис Раннит. Сначала и до конца в зале было вдохновенно. И это самое ценное. Я прочел много пацифистского, встреченного непередаваемыми овациями. Горжусь» (Собрание М. С. Лесмана). Вечер проходил в здании XVI века — бывшего братства Черноголовых (улица Пикк, 26). Портрет поэта, выполненный «к этому празднеству» эстонским графиком Борисом Линде, помещен на программе вечера и в заметке «Сегодня — чествование Игоря Северянина в Таллинне» (Сегодня. [Рига]. 1940. № 73). Участвовавший в вечере, в том числе своими переводами Северянина на эстонский, Алексис Раннит (наст. имя Долгошев Алексей Константинович; 1912—1986), откликнулся на юбилей и в печати: *Rannit A. Igor Severjanin: (35 aastat luuletaja kirjanduslikku tegevust) // Kunst ja Kirjandus. 1940. №3. Lk.11.* Северянин в свою очередь перевел на русский язык два сборника стихов Алексиса Раннита: «В оконном переплете» (Таллин: Академический Союз Объединенных Искусств, 1938) и «Via dolorosa» (Стокгольм: Северные огни, 1940).

4 В связи с 35-летием литературной деятельности поэта «Президент государства К. Пятс подарил Игорю Северянину по случаю юбилея 400 крон». Вслед за торжественной вступительной частью, в том числе речи В. Т. Адамса, Северянин, горячо принятый публикой, читал стихи (см.: Торжественное чествование Игоря Северянина // Вести дня. [Таллинн]. 1940. № 61 (15 марта); цит. по изд.: *Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. С. 14). В отделе редкой книги Республиканской библиотеки Эстонии (Таллин) хранится экземпляр сборника «Классические розы» с надписью: «Многоуважаемому г. К. Пятсу — Главе Эстонии, моей второй родины. Игорь Северянин. Tallinn. 22.X.1931 г.» Пользуюсь случаем поблагодарить зав. отделом редкой книги Л. И. Петину за содействие в работе.

5 См. письмо 26.

6 Возможно, речь идет о «Сборнике романсов на стихи Северянина», хранящемся в архиве поэта в РГАЛИ (Ф. 1152. Оп. I. Ед. хр. 46).

7 В заметке «Сегодня — чествование Игоря Северянина в Таллинне» говорится: «Примадонна театра „Эстония“ Милви Лайд исполнит, между прочим, песню на слова Северянина „Виктория Регия“ на музыку С. Прохорова. Солист „Эстонии“ Воотве Вейкат споеет „Поэзу об Эстонии“, — музыка на нее специально для этого вечера написана эстонским композитором проф. Адо Ведро. Участвует в этом вечере юбилейного чествования Северянина и лучший эстонский пианист Бруно Лукк, как и многие другие деятели эстонской литературы и музыки». К стихотворению «Виктория Регия» ранее писали музыку композиторы: А. Архангельский, М. М. Багриновский и М. И. Якобсон (см.: Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 г.). Справочник. Вып. 1. М., 1966. С. 318). Стихотворение «Как хорошо...» (1928) входило в сборник Северянина «Классические розы», «Поэза об Эстонии» (1919) — в сборник «Менестрель. Новейшие поэзы». (т. XII. Берлин, Москва, 1921). Далее поэт называет свои книги: «Миррелия» (Берлин, Москва, 1922) и «Соловей» (Берлин: Накануне, 1923). Была ли выполнена просьба Северянина, установить не удалось.